

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Казакова М.В., Поспелова Е.А.

Факторы межрегионального неравенства в России

Москва 2019

Аннотация. Многообразие географии России и ее сложная экономическая история являются важными факторами, объясняющими различия в региональном экономическом развитии. В последние десятилетия появилось много исследований, посвященных изучению пространственного неравенства экономического развития. Сейчас существует большое количество доказательств выявления общих характеристик в области достижения высокого уровня экономической эффективности. К таким характеристикам относится высокий уровень урбанизации и экономическая плотность, близость и связанность с крупными рынками и высококвалифицированным населением. Однако для понимания факторов, формирующих экономический потенциал регионов, необходимо учитывать специфические аспекты контекста страны. Настоящая работа посвящена обзору факторов, обуславливающих неравенство в российских регионах с учетом специфики страны.

Казакова М.В. заведующая лабораторией исследований проблем экономического роста ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Поспелова Е.А. старший научный сотрудник лаборатории структурных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2018 год

Содержание

Введение.....	4
1.1 Влияние наличия моногородов на экономическую динамику регионов.....	5
1.2 Влияние наличие природных ресурсов на экономическую динамику регионов.....	8
1.3 Оценка экономического потенциала регионов.....	14
1.4 Влияние показателя плотности населения на экономическую динамику регионов.....	18
1.5 Влияние транспортной инфраструктуры на экономическую динамику регионов.....	22
1.6 Влияние наличия высокотехнологичных секторов на развитие регионов ...	27
1.7 Индекс человеческого развития регионов	34
1.8 Влияние качества политических институтов на экономическую динамику регионов.....	43
1.9 Влияние инвестиций на экономическую динамику регионов	48
Заключение.....	56
Список использованных источников.....	58

Введение

Многообразие географии России и ее сложная экономическая история являются важными факторами, объясняющими различия в региональном экономическом развитии. В последние десятилетия появилось много исследований, посвященных изучению пространственного неравенства экономического развития. Сейчас существует большое количество доказательств выявления общих характеристик в области достижения высокого уровня экономической эффективности. К таким характеристикам относятся высокий уровень урбанизации и экономическая плотность, близость и связанность с крупными рынками и высококвалифицированным населением. Однако для понимания факторов, формирующих экономический потенциал регионов, необходимо учитывать специфические аспекты контекста страны. В частности, подобными специфическими факторами для России являются наследие плановой экономики СССР и зависимость от добычи природных ресурсов.

Глава 1. Обзор факторов межрегионального неравенства в России

1.1 Влияние наличия моногородов на экономическую динамику регионов

Центральное планирование советской эпохи привело к искусственному выравниванию регионального развития и неэффективному распределению ресурсов. Инвестиции в регионы осуществляются, исходя не из экономических выгод (получение прибыли), а зависят от правительственных решений, которые зачастую основаны на экспансионистском видении развития: освоение новых территорий и экономическая активность на всем пространстве страны. «Размытие инвестиций» привело к неоптимальному использованию ресурсов, таким как развитие крупных городов к северу от Арктического круга. Этот инвестиционный процесс также привел к равномерному распределению экономической деятельности по пространству, которое было бы неэффективным и неустойчивым при рыночных условиях [1].

В период острого экономического и политического кризиса 1990-х гг. рассредоточенное распределение ресурсов привело к росту регионального неравенства. В результате при разрушении прежней системы хозяйствования и переходе к рыночной экономике регионы, специализирующиеся на тяжелой промышленности, переживали быстрый спад. В новых условиях данные сектора промышленности не смогли восстановить цепочки поставок и определить новые рынки. Также серьезно пострадали периферийные регионы, зависящие от государства в плане поставок энергоносителей и других основных сырьевых товаров. Корректировки этого периода привели к быстрому росту диспропорций в региональных экономических показателях. К началу 2000-х годов лучший региональный исполнитель произвел в 64 раза больше промышленной продукции, чем худший региональный исполнитель, а регион с худшими условиями на рынке труда имел уровень безработицы в 19 раз выше, чем самый эффективный регион.

Если смотреть структуру распределения малоимущего населения, то максимальная концентрация этой категории граждан наблюдается в городах – 61,8%, против 38,2% в сельских поселениях (по итогам 2016 г.). Причем, больше всего малоимущих сконцентрировано в городах с численностью населения менее 50 тыс. человек – 27,4% от общего количества малоимущих по стране (Таблица 1).

Если смотреть на динамику, то количество малоимущих, проживающих в городах снижается. Это происходит за счет сокращения количества этой категории граждан в крупных городах, с численностью более 1 млн чел. – с 14,9% в 2002 г. до 9,7% в 2016 г., с численность от 250 тыс. до 1 млн чел. – с 19,5% в 2002 г. до 9,5% в 2016 г. Однако численность малоимущих, проживающих в небольших городах (менее 50 тыс.) значительно выросла – с 14,8% в 2002 г. до 27,4% в 2016 г.

Таблица 1 – Распределение численности малоимущего населения в зависимости от места проживания

	2002	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Все малоимущее население	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе													
Проживающее в городах - всего	66,2	61,4	60,8	59,6	58,0	58,1	59,8	61,2	59,6	58,7	61,1	62,4	61,8
в том числе с численностью населения, человек:													
свыше 1 млн.	14,9	11,7	11,5	10,9	9,8	9,5	7,4	8,1	7,4	8,3	9,4	9,9	9,7
от 250 тыс. до 1 млн.	19,5	17,2	15,6	14,6	14,1	14,6	10,6	9,1	7,3	6,8	7,8	9,0	9,5
от 100 до 250 тыс.	9,5	10,9	11,7	11,3	10,4	9,9	8,3	8,5	8,0	8,4	8,1	7,9	7,3
от 50 до 100 тыс.	7,4	6,8	7,4	7,3	7,1	6,7	8,2	8,2	8,1	7,3	8,4	7,8	7,9
менее 50 тыс.	14,8	14,8	14,6	15,7	16,5	17,5	25,2	27,3	28,7	27,8	27,4	27,7	27,4
Проживающее в сельских поселениях - всего	33,8	38,6	39,2	40,4	42,0	41,9	40,2	38,8	40,4	41,3	38,9	37,6	38,2
в том числе с численностью населения, человек:													
свыше 5 тыс.	9,5	10,5	10,7	12,1	13,0	12,3	9,7	9,7	10,5	11,9	10,0	9,6	10,5
от 1 до 5 тыс.	14,6	16,4	16,6	16,1	16,5	17,0	18,0	17,0	17,8	17,0	17,7	17,4	16,6
от 200 до 1 тыс.	8,7	10,1	10,3	10,5	10,8	10,9	12,0	11,7	11,5	11,9	10,7	10,3	10,6
менее 200	1,1	1,6	1,6	1,7	1,7	1,7	0,5	0,4	0,6	0,5	0,5	0,4	0,5

Источник: Росстат

Сохраняющееся неоптимальное пространственное распределение капитала и трудовых ресурсов может по-прежнему играть важную роль в определении уровней региональной производительности. При переходе к рыночной экономике России необходимо было перераспределить рабочую силу и капитал в более продуктивные сектора экономики. Отдельные отрасли промышленности в Советском Союзе были сконцентрированы вокруг больших комплексов обрабатывающей промышленности. Это означало, что любое перераспределение ресурсов по секторам требовало их

перераспределения в пространстве, в том числе между регионами [2]. Однако низкая межрегиональная мобильность препятствовала этому процессу. Отсутствие мобильности рабочей силы привело к быстрому расхождению между регионами по уровню заработной платы и уровню безработицы. Вместе с тем низкая межрегиональная трудовая миграция - это результат правовых и институциональных ограничений, таких как обязательная регистрация или прописка, система, ограничивающая доступ к социальным услугам (поликлиники, больницы, детские сады, школы) для людей, которые не владеют жильем в регионе, в который они переехали [3]. Кроме того, помимо институциональных ограничений, для переезда в другой регион необходимы финансовые средства, а в силу отсутствия развитых кредитных рынков получение кредита для покрытия этих расходов не представляло финансовой возможности [4]. По оценкам российских экономистов Ю. Андриенко и С. Гуриева, в подобных «ловушках бедности» из-за институциональных барьеров находились 30% регионов.

В 2000-е г. модель экономического роста России была основана не только на получении сверхдоходов от экспорта энергоносителей, но и на стимулировании потребительского спроса и развития рынка кредитования. Это способствовало выравниванию доходов населения по регионам. Так, на протяжении 2000-х годов заработная плата и доходы населения сходились по регионам, что, вероятно, было результатом интеграции региональных рынков труда [5].

Также упомянутыми выше авторами была обнаружена корреляция между объемами сбережений и инвестициями, это предполагает, что капитал больше не находится в ловушке внутри регионов [5]. Данный вывод подтверждается изменениями, наблюдаемыми в пространственном распределении зарегистрированных предприятий в России. Если в 1989 г. попарное распределение расстояний между предприятиями предполагало почти равномерное распределение по пространству, то к 2010 г. предприятия были гораздо более концентрированными, что косвенно свидетельствует о пространственном перераспределении факторов производства [6].

Однако долгосрочным последствием рассредоточенного хозяйственного планирования СССР является сохранение моногородов в современной России. В 2014 г. правительством РФ был утверждён список (Распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 года № 1398-р) моногородов - всего 319 с общим количеством жителей порядка 14 млн., из которых к числу монопрофильных муниципальных

образований России с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций) отнесли 100 моногородов, образований России, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, насчитано 148. Количество муниципальных образований со стабильной социально-экономической ситуацией составило 71 моногородов.

Сохраняющиеся социально-экономические проблемы советских промышленных моногородов свидетельствуют о том, что наследие по-прежнему имеет большое значение.

Широко признается, что экономический потенциал моногородов ограничен и что они, как правило, с трудом вносят вклад в экономическое развитие регионов и страны в целом. Таким образом, моногорода находятся в фокусе программ поддержки, реализуемых Федеральным правительством. С июля 2016 г. модернизация таких городов является приоритетным национальным проектом, одна из главных задач которого сделать их комфортными для жизни.

1.2 Влияние наличие природных ресурсов на экономическую динамику регионов

В последние 15 лет колебания цен на сырьевые товары являлись основным фактором, определяющим относительную динамику развития региональной экономики в России. Повышение цен на нефть в начале 2000-х гг. пошло на пользу богатым ресурсами регионам и крупным городским районам (в первую очередь Москве и Санкт-Петербургу), где приток крупных нефтяных доходов стимулировал развитие финансового сектора и сферы услуг, а также строительной отрасли и недвижимости [7]. Однако регионы, в которых наблюдался наибольший рост в 2000-2007 гг. также больше пострадали во время кризиса в 2008 г. Богатые нефтью регионы пострадали от падения цен на энергоносители, в то время как крупные города пострадали от снижения спроса и плохого доступа к недорогим кредитам на европейских рынках. В краткосрочной перспективе это привело к нисходящему сближению лидеров и отстающих в региональном ВВП на душу населения [8]. Однако от кризиса в последствии пострадали и менее развитые регионы, зависимые от субсидий из федерального бюджета, что сдерживало тенденцию к сближению по доходам.

Между регионами России наблюдается большой разрыв в производительности труда, чем в других сопоставимых странах, что во многом обусловлено наличием богатых ресурсами регионов. Региональные различия являются общими как для развитых, так и для развивающихся стран, поскольку они отражают естественную тенденцию к концентрации экономической деятельности в производственных и добывающих районах.

На самом деле резкий рост регионального неравенства часто связан с периодами быстрого экономического роста. Так было в Таиланде, Вьетнаме и Индонезии, а также в Польше, которая, как и Россия, прошла через переход к рыночной экономике [9]. Так, высокая дисперсия в доходах между добывающими и регионами, которые не зависят от экспорта энергоносителей, начала наблюдаться по мере роста цен на нефть. Минерально-сырьевые ресурсы определяют высокий уровень ВВП на душу населения, достигнутый некоторыми малонаселенными регионами России. Фактически, на долю добывающих отраслей приходится более половины общего объема производства в пяти ведущих регионах по ВВП на душу населения (Таблица 2).

Таблица 2 – Доля добычи полезных ископаемых в ВРП и ВРП на душу населения в 2016 г.

	Доля добычи полезных ископаемых в ВРП	ВРП на душу населения, руб.
Ненецкий автономный округ	74,5	5821559,8
Ханты-Мансийский автономный округ	66,1	1852318,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	54,5	3670257,6
Тюменская область	54,1	1627945,9
Сахалинская область	54,0	1575642,6
Республика Саха (Якутия)	51,6	903611,1
Чукотский автономный округ	50,1	1323201,3
Магаданская область	38,9	1006587,5

Источник – Росстат

Фактически самый высокий показатель ВРП в России приходится на максимально зависимые от нефти регионы. Есть только один регион с сопоставимыми показателями ВРП на душу населения - это Москва с показателем ВРП, равным 1 157 373 руб.

Также стоит отметить, что в высокодоходных регионах наблюдается больше неравенство по доходам. В небогатых регионах и с большей зависимостью от субсидий из федерального бюджета, напротив, наблюдаются более низкие показатели коэффициента Джини (Таблица 3).

Таблица 3 – Рейтинг регионов по коэффициенту Джини

1	Тюменская область	0,426
2	Ямало-Ненецкий авт. округ	0,423
3	г. Москва	0,419
4	Республика Башкортостан	0,417
5	Ненецкий авт. округ	0,414
6	Сахалинская область	0,412
7	Российская Федерация	0,41
8	Краснодарский край	0,409
9	Свердловская область	0,409
10	г. Санкт-Петербург	0,408
11	Пермский край	0,407
12	Воронежская область	0,406
13	Республика Татарстан	0,402
14	Нижегородская область	0,399
15	Ханты-Мансийский авт. округ	0,399
16	Омская область	0,397
17	Амурская область	0,397
18	Белгородская область	0,396
19	Республика Бурятия	0,396
20	Ростовская область	0,394
21	Республика Саха (Якутия)	0,394
22	Красноярский край	0,392
23	Чукотский авт. округ	0,392
24	Московская область	0,39
25	Тюменская область (кроме Ханты-Мансийского а.о. и Ямало-Ненецкого а.о.)	0,39
26	Республика Адыгея	0,389
27	Республика Дагестан	0,389
28	Липецкая область	0,388
29	Хабаровский край	0,386
30	Приморский край	0,385
31	Брянская область	0,384
32	Чеченская Республика	0,384
33	Оренбургская область	0,384
34	Архангельская область без Ненецкого авт. округа	0,383
35	Магаданская область	0,383
36	Тамбовская область	0,382
37	Архангельская область	0,382
38	Смоленская область	0,381

39	Республика Коми	0,381
40	Ставропольский край	0,381
41	Курская область	0,379
42	Самарская область	0,379
43	Ленинградская область	0,377
44	Алтайский край	0,376
45	Ярославская область	0,373
46	Астраханская область	0,373
47	Забайкальский край	0,373
48	Калужская область	0,371
49	Рязанская область	0,371
50	Иркутская область	0,371
51	Орловская область	0,37
52	Тульская область	0,37
53	Удмуртская Республика	0,37
54	Республика Марий Эл	0,369
55	Республика Алтай	0,367
56	Новгородская область	0,366
57	Кабардино-Балкарская Республика	0,366
58	Курганская область	0,365
59	Новосибирская область	0,365
60	Ивановская область	0,364
61	Мурманская область	0,363
62	Республика Крым	0,363
63	Республика Хакасия	0,363
64	Калининградская область	0,362
65	Республика Северная Осетия - Алания	0,362
66	Ульяновская область	0,362
67	Костромская область	0,361
68	Саратовская область	0,361
69	Республика Мордовия	0,36
70	Республика Ингушетия	0,359
71	Пензенская область	0,359
72	Владимирская область	0,358
73	Вологодская область	0,358
74	Республика Калмыкия	0,358
75	Республика Тыва	0,358
76	Кемеровская область	0,358
77	Карачаево-Черкесская Республика	0,357
78	Челябинская область	0,355

79	Псковская область	0,35
80	Еврейская авт. область	0,347
81	г. Севастополь	0,345
82	Томская область	0,345
83	Волгоградская область	0,344
84	Кировская область	0,344
85	Камчатский край	0,344
86	Тверская область	0,342
87	Чувашская Республика	0,341
88	Республика Карелия	0,335

Источник: Росстат

Регионы, в которых добывающая промышленность составляет более 30% от общего объема производства (за исключением Республики Коми, Оренбургской области и Ненецкого АО), расположены в Сибири или на Дальнем Востоке и мало населены, а какие-либо другие виды производств за пределами добычи ресурсов отсутствуют.

Высокая зависимость регионов от энергоносителей приводит к медленному восстановлению после кризисов. Так, если в середине 2000-х гг. добывающие регионы давали прирост в ВРП порядка 8% в год, то после кризиса 2008 г. - лишь 0,3% в год при среднем росте остальных регионов в 1,5%.

Недавний опыт богатых ресурсами регионов показывает, что их экономика нестабильна и их рост неустойчив. Вклад богатых ресурсами регионов имел первостепенное значение для экономического роста России на протяжении последних 25 лет. Однако после бурного роста в середине 2000-х годов (8% в год) девять российских регионов, в которых добыча природных ресурсов составляет более 30 процентов от общего объема производства, увеличили свой реальный ВВП только на 2 процента в совокупности за семь лет после кризиса 2008 года (в среднем 0,3 процента в год). Все остальные регионы в совокупности выросли более чем на 10 процентов (1,5% в год).

Экономическая теория и эмпирические данные стран всего мира [11], [12] свидетельствуют о том, что чрезмерная зависимость от экспорта природных ресурсов оказывает негативное воздействие на региональную экономику и институты. Экономисты показали, что успех экспорта природных ресурсов приводит к потере

конкуренентоспособности в других торгуемых секторах экономики-явление, широко известное как «голландская болезнь» или «ресурсное проклятье». Кроме того, нефтяную и газовую промышленность трудно диверсифицировать, поскольку эти отрасли поддерживают развитие локальных цепочек поставок и специфические профессиональные навыки, и квалификации, которые сложно применить в других секторах.

Исследования также показывают, что ресурсная зависимость оказывает негативное влияние на институты [11], [12]. Наличие ресурсной ренты за природные ресурсы устраняет необходимость получения доходов за счет налогов от других отраслей экономики и часто ограничивает стимулы для укрепления экономического потенциала и создания благоприятных условий для бизнеса. В тех случаях, когда государству поступает рента от природных ресурсов или, когда государство контролирует их распределение, доступ к государственным должностям становится наиболее ценным активом; это стимулирует динамику протекционизма и создает стимулы для субъектов к поиску политического влияния. Крупный бизнес в нефтяной отрасли, стремясь сохранить статус-кво, зачастую оказывается политически связанным с государством, что приводит к ухудшению качества институтов и рыночных механизмов управления [13].

1.3 Оценка экономического потенциала регионов

Аналитики Всемирного Банка разработали методологию Индекса экономического потенциала (ИЭП) регионов. Эта методология уже применяется для изучения регионального развития в Индии и Евросоюзе [13]. Индекс позволяет определить структурные характеристики, которые наилучшим образом объясняют уровни производительности, наблюдаемые по регионам. Под экономическим потенциалом понимается уровень производительности, которого может достичь регион с учетом его структурных характеристик. Структурные характеристики являются факторами, которые оказывают влияние на производительность и экономическое развитие. Они статичны и не могут быть изменены в краткосрочной перспективе. К таким структурным факторам относятся уровень урбанизации, доступ к рынкам, качество человеческого капитала (продолжительность или доля населения с высшим образованием), географические характеристики регионов и отраслевая структура экономики. Применительно к России Всемирный Банк добавил к ИЭП также

дополнительные специфические для нашей страны характеристики: роль добывающих отраслей и советское наследие центрального планирования.

Структурные условия, выявленные аналитиками Всемирного Банка в ходе предыдущих исследований, проверяются с использованием многомерного регрессионного анализа для проверки на предмет их корреляции с наблюдаемым уровнем региональной производительности (ВВП на душу населения). При таком подходе можно сделать выводы об относительной важности различных структурных условий для достижения более высоких уровней экономической производительности на региональном уровне. Такой подход также позволяет обсудить потенциал различных регионов для достижения более высоких уровней экономической производительности в рамках модели экономического развития, существующей в настоящее время в стране. Этот подход обеспечивает надежную проверку роли факторов, способствующих региональной производительности.

Вместе с тем непреодолимая роль добычи природных ресурсов как движущей силы экономик ряда регионов в России создает препятствия для анализа роли других структурных условий. Большинство регионов, специализирующихся на добыче природных ресурсов, расположены в Северной и Восточной частях России, вдали от наиболее населенных районов страны и, соответственно, от крупных рынков или крупных агломераций. Они имеют низкую плотность населения, климатические условия, непригодные для сельского хозяйства. Иными словами, эти регионы не обладают теми характеристиками, которые мы ожидаем получить в высокоразвитых регионах. Тем не менее, благодаря наличию природных ресурсов, такие регионы достигают существенно более высоких уровней ВВП на душу населения, чем другие субъекты. В результате эти регионы, благодаря мощному влиянию нефтегазовой отрасли на их экономику, преодолевают влияние большинства других структурных условий на региональное развитие в России.

Для преодоления данной проблемы аналитики Всемирного Банка ограничили оценку 56 регионами западной части России. В частности, в ходе анализа были исключены регионы, экономика которых обеспечивается добывающими предприятиями, и тем самым искажает результаты. Также оценка не охватывает некоторые наиболее удаленные и недоступные регионы. Эти удаленные, но не обязательно богатые ресурсами регионы нарушают модель в значительной степени потому, что их изоляция означает, что они не могут использовать прирост

производительности от доступа к рынкам наиболее населенных регионов. Анализ охватывает подгруппу регионов Западной России, с умеренными географическими отличиями и менее заметной зависимостью от экспорта природных ресурсов. Регионы, включенные в окончательный вариант модели, составляют 75% от общей численности населения и 95% от общего объема производства (без учета добычи природных ресурсов). Из модели исключены все регионы Дальневосточного и Сибирского Федеральных Округов.

Кроме того, исключался из анализа любой регион, в котором добывающие отрасли внесли вклад в более чем 30% ВРП в период между 2010 и 2014 годами в среднем.

Самый высокий индекс экономического потенциала у Санкт-Петербурга - 99,79. Хороший показатель индекса обеспечивается за счёт высоких рангов Санкт-Петербурга по следующим параметрам: по доступу к портам -2 место по стране, по доле населения в крупных городах - 2 место, по уровню человеческого капитала - 4-е место (Таблица 4).

Индекс экономического потенциала Самарской области составляет 90,8 за счёт высокой концентрации высокотехнологичных отраслей - субъект занимает первое место в России по этому показателю. По доле населения в крупных городах - 3 место по России, по показателю уровня человеческого капитала – 7-е место.

Примечательно, что Москва занимает лишь 3 место с индексом 89,71, что обеспечивается высоким уровнем человеческого капитала – 1-е место, концентрацией городского населения – 1-е место, доступом к рынкам сбыта – 2-е место.

Однако Москва проигрывает многим городам по размещению высокотехнологичных отраслей – 44-е место.

Относительно высокие рейтинги имеют Калужская область – 72,37, Татарстан – 71,43, Ярославская – 71,07, Ульяновская – 67,69, Мурманская – 67,12, Липецкая – 66,87, области.

Самые низкие показатели ИЭП у Ингушетии – 9,24 и Чеченской республики 2,66.

Таблица 4 – Индекс экономического потенциала регионов России

Регион	ИЭП	Ранг региона							
		по доступу к портам	пригодность к с/х	по доле населения в моногородах	по доступу к рынкам сбыта	по уровню человеческого капитала	по доле высоко технологичных отраслей	по доле населения в крупных городах	по уровню экономической преступности
г. Санкт-Петербург	99,79	2	43	14	49	4	27	2	50
Самарская обл.	90,80	48	12	52	34	7	1	3	22
Москва	89,71	18	40	8	2	1	44	1	20
Калужская обл.	72,37	23	33	19	6	31	2	35	5
Респ. Татарстан	71,43	47	9	53	25	10	5	14	38
Ярославская обл.	71,07	27	45	34	8	49	6	8	54
Ульяновская обл.	67,69	46	11	43	21	37	3	7	49
Мурманская обл.	67,12	1	55	46	55	26	52	19	44
Липетская обл.	66,87	30	2	55	10	28	38	13	51
Челябинская обл.	66,47	54	32	54	46	12	10	12	35
Рязанская обл.	65,61	25	15	15	5	21	7	9	7
Чувашская Респ.	63,90	44	18	49	14	32	8	29	8
Ростовская обл.	60,99	4	14	21	28	15	33	36	27
Респ. Мордовия	59,86	43	13	32	15	8	9	28	1
Нижегородская обл.	59,12	40	31	38	18	25	15	23	30
Тульская обл.	58,94	22	10	36	3	38	13	34	21
Владимирская обл.	58,16	33	35	40	4	48	12	40	32
Саратовская обл.	44,82	42	20	24	27	23	22	32	47
Астраханская обл.	44,77	8	25	13	50	11	47	6	12
Курская обл.	44,53	37	4	35	22	20	35	27	36
Тамбовская обл.	43,16	31	3	20	12	45	14	38	42
Респ. Северная Осетия – Алания	40,83	29	24	11	42	2	48	11	2
Респ. Башкортостан	37,00	51	19	39	44	47	16	39	46
Псковская обл.	35,37	11	42	6	41	35	29	51	25
Респ. Марий Эл	34,14	45	36	9	17	40	11	46	48
Курганская обл.	33,88	55	23	26	51	41	23	24	45
Респ. Дагестан	33,75	6	28	28	53	27	50	44	52

Карачаево-Черкесская Респ.	32,86	13	49	3	31	6	41	52	4
Ставропольский кр.	32,80	12	17	25	38	9	40	45	14
Белгородская обл.	28,81	38	8	33	29	24	42	41	40
Краснодарский кр.	26,23	9	5	10	36	34	46	43	24
Респ. Калмыкия	17,76	17	29	2	32	5	54	48	17
Респ. Адыгея	17,36	10	1	17	30	16	49	47	18
Кабардино-Балкарская Респ.	16,29	20	30	1	43	22	45	50	31
Респ. Ингушетия	9,24	28	26	12	37	19	55	53	19
Чеченская Респ.	2,66	35	21	5	48	55	53	42	55

Источник: Всемирный Банк

Результаты исследования показывают, что независимо от географической, исторической специфики России законы экономической географии по-прежнему применимы как к урбанизации, так и к доступу к рынкам и человеческому капиталу. Эксперты приходят к выводу, что урбанизация, доступ к рынкам, человеческий капитал и технологически развитые сектора играют решающую роль в достижении высоких уровней производительности. Однако эксперты не берутся давать рекомендации по изменению региональной экономической политики, ссылаясь на необходимость более глубокого исследования. Поскольку строительство новой дороги не может повлиять на рост производительности, так же как инвестиции в образование без учета запроса регионального рынка труда. Данные, полученные на основе модели ИЭП, служат, скорее, отправной точкой для политического обсуждения роли структурных условий.

1.4 Влияние показателя плотности населения на экономическую динамику регионов

Эксперты Всемирного банка приходят к выводу, что урбанизация является фактором, наиболее тесно связанным с высоким уровнем производительности труда в региональных экономиках России. Предварительный анализ показал, что доля городского населения объясняет более 50% вариации ВРП на душу населения в Западной России. Увеличение населения в городах с численностью более 250 тыс. чел. в среднем соответствует увеличению стандартного отклонения душевого ВРП на 0,33 п. стандартного отклонения. Этот результат говорит о том, что агломерационные

экономики являются ключевым драйвером региональной производительности в Западной России.

Это соответствует экономической теории, которая предполагает, что выгоды от агломерации увеличиваются по мере роста городов. Последние данные показывают, что производительность фирм в сфере услуг и обрабатывающей промышленности начинает существенно расти, если они расположены в городах с населением 1 млн. человек или более. Однако в России очень мало городов такого размера. В России всего два города больше 1,5 миллиона, в то время как в Японии (меньшей по численности населения) таких городов пять и в Бразилии насчитывается восемь. Если к России добавить города из других постсоветских стран, таких городов окажется пять. Это говорит о том, что система городов в России не корректировалась с момента распада Советского Союза, когда несколько крупных городов (Алматы, Киев, Ташкент) оказались в других новых независимых странах.

Специфическая проблема в России заключается в том, что урбанизация фрагментирована из-за исторической политики. Советская модель индустриализации во многом базировалась на развитии городских поселений вокруг производственных объектов и, следовательно, часто вынужденном переселении рабочих. Именно столько малых и средних городов было построено в отдаленных населенных пунктах, которые, скорее всего, не смогли бы развивать такие городские центры в условиях свободного рынка. После распада Советского Союза городская система стала особенно несбалансированной: два доминирующих города находились на вершине, города второго яруса не были достаточно большими, чтобы повлиять на региональное развитие, и очень большое количество небольших городских поселений.

Восстановление равновесия в городской системе продолжается, но оно определяется возросшим доминированием первичных городов. За последние 15 лет небольшие города (менее 50 тыс. жителей) постоянно теряли население, в то время как города с населением более 100 тыс. человек постоянно увеличивались. В Москве и Санкт-Петербурге наблюдался самый быстрый рост населения среди всех категорий, что свидетельствует о росте дисбаланса между городами. В некотором смысле это неудивительно: разрыв в производительности и заработной плате между двумя столицами и городами второго уровня остается огромным, что делает столицы наиболее привлекательными местами для мигрантов, ищущих более высокий уровень

жизни. Действительно, Москва и Московская область привлекают 60% всех мигрантов [14].

Еще одной важной тенденцией урбанизации является субурбанизация и развитие агломераций. Наибольший миграционный прирост наблюдается в пригородных зонах городов федерального значения (Москва и Санкт-Петербург) и региональных столиц. В период 2003-2009 годов города с наиболее высоким положительным сальдо миграции были не крупнейшими городами регионов, а городами в радиусе 50 км от крупнейших городов [15]. Этот процесс был особенно заметен в Московской области, где 20 городов вошли в Топ-50 по чистой миграции в 2003 г. Эта тенденция также наблюдается в Приволжском федеральном округе, Южном федеральном округе и даже Сибирском федеральном округе.

Условия, способствующие росту во второстепенных городах, могут быть улучшены за счет оптимизации управления городами и их планирования: создание доступной транспортной системы, развитие рынков труда, снижение затрат на инфраструктуру.

Вместе с тем процесс субурбанизации городов (когда население из столицы региона переселяется в близлежащие районы по причине низких цен на недвижимость) приводит к разрастанию городов, а не их уплотнению. В результате страдает институциональная и физическая инфраструктура в городах - региональных столицах.

Однако предположение о том, что моногорода являются несостоявшимся пережитком Советского централизованного планирования, может не полностью выполняться в западной части России, поскольку доля населения, проживающего в моногородах положительно коррелирует с региональной производительностью. Некоторые моногорода на Западе России способны стимулировать рост производительности, благодаря близости к крупным рынкам и их способности подключаться к цепочкам поставок высокоиндустриальных регионов, также эти регионы получают выгоды от обмена знаниями, что способствует их инновационному развитию.

Некоторые моногорода имеют экономический потенциал, но требуют индивидуального подхода. Неиспользуемый потенциал моногородов определяется их индивидуальными особенностями: промышленной направленностью; качеством размещения инфраструктуры и человеческого капитала; способностью города и региона переориентировать эти активы на новые рынки.

В настоящее время одной из форм поддержки моногородов является Федеральная программа создания территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР), на которых действуют льготные налоговые условия и упрощенные административные процедуры. В 2014 г. было запланировано создание девяти ТОР на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири, в границах моногородов и в Калининградской области. Позже особый правовой режим был введен для Сколково.

В рамках ТОР действуют следующие основные условия: в течение первых пяти лет ставка налога на прибыль не более 5%, не менее 10% в течение следующих 5 лет. Предусмотрено освобождение от налогов на имущество и землю. Также действуют льготные социальные взносы - 7,6% в течение 10 лет, использование режима свободной таможенной территории, льготный режим подключения к различным объектам инфраструктуры.

Первыми из моногородов получили статус ТОР Юрга (тепличный комплекс, транспортно-логистический центр, деревообработка, бумажный комбинат) и Анжеро-Судженск (производство стеклопластиковых труб, резиновых и пластмассовых изделий, плазмы крови) в Кемеровской области. В 2016 г. приступили к созданию ТОР Краснотурьинск (Свердловская область) и Тольятти (Самарской области). Также обсуждалось создание ТОР в Алтайском крае, в частности, в городах Алейск, Заринск и Новоалтайск, а также в шахтёрском городе Гуково (Ростовская область).

В 2017 году статус ТОР как моногорода получили Димитровград (Ульяновская область) и Саров (Нижегородская область), Сарапул, Невинномысск (Ставропольский край), Дорогобуж (Смоленская область), а в 2018 г статус ТОР приобрел Губкин (Белгородской области).

Еще одна правительственная инициатива – «Фонд развития моногородов» - позволяет регионам осуществлять целевые инвестиции в инфраструктуру и развитие частного сектора в моногородах. Такой подход представляется более многообещающим, поскольку он потенциально может позволить более целенаправленно реагировать на проблемы отдельных городов. Однако ее эффективность может быть ограничена за счет сосредоточения внимания лишь на тех моногородах, которые сталкиваются с наибольшими социальными проблемами и, следовательно, обладают, вероятно, наименьшим экономическим потенциалом.

1.5 Влияние транспортной инфраструктуры на экономическую динамику регионов

Доступ к внутренним и внешним рынкам может способствовать региональному экономическому развитию. Близость к крупным портам (измеряемая грузооборотом) имеет высокую корреляцию с производительностью, что подчеркивает важность внешней торговли как движущей силы роста и производительности. Корреляция между близостью к другим густонаселенным регионам страны и уровнем региональной производительности доказывает, что доступ к большому рынку создает стимулы для инвестиций, которые имеют решающее значение для роста и повышения производительности. Это подтверждает результаты исследований, которые показывают, что подключение к портам и основным секторам населения тесно связано с производительностью производственных фирм в России [16].

Доступ к рынкам можно улучшить за счет инвестиций в транспортную инфраструктуру и услуги, однако последствия таких инвестиций для экономики отдельных регионов предсказать трудно.

Одним из аспектов межрегионального неравенства является развитие транспортной инфраструктуры, увеличивающее географическую связанность между регионами и способствующее усилению экономической и деловой динамики регионов.

Вместе с тем, нерациональное принятие решений в области дорожного и инфраструктурного строительства может, напротив, привести к росту межрегионального неравенства. Нерациональность заключается в несогласованности между политикой в области дорожного строительства и макроэкономической динамикой регионов.

Наиболее популярной среди экономистов работой, посвященной оценке влияния транспортной инфраструктуры на экономический рост, является исследование Дэвида Осшауэра [17]. В нем рассматривается влияние частных и государственных инвестиций в общественную инфраструктуру, такую как высокоскоростные дороги, аэропорты, электро-, газоснабжение, общественный транспорт, водоснабжение, канализация.

На основе анализа данных штатов США в период 1972-1985 гг. (время начала получения экономического эффекта от реализации проекта по строительству автодорог в США National System of Interstate Highways, во время которого было построено более

80 тыс. км. дорог) был обнаружен существенный вклад, вносимый общественным капиталом в экономический рост. Инфраструктура имела большую отдачу по сравнению с частным основным капиталом. Так, автором было установлено, что 10-% прирост государственных инвестиций в дорожное строительство обеспечивает увеличение производительности капитала в частном секторе на 3–5%. Одна единица государственных инвестиций окупается за счет увеличения выпуска продукции в течение года и даже менее.

В своей работе Мартин и Роджерс [18], оценивая развитие в регионе транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, приходят к выводу, что принятие решений местных властей по расширению инвестиций в транспортную инфраструктуру стимулирует бизнес к размещению производства в эти регионы.

Более поздние эмпирические работы Дено, Эбертса, Гарсия-Милы, Маннела подтвердили результаты, полученные Осшауером [19], [20], [21]. Вместе с тем, указанными авторами было обнаружено, что влияние транспортной инфраструктуры на экономический рост страны в целом будет больше, чем на динамику регионов в отдельности. Проблема в том, что развитие транспортной инфраструктуры способствует перетоку труда и капитала из менее благополучных регионов в более доходные. Поэтому в масштабах страны эффект от инвестиций в транспортную инфраструктуру будет более существенным, чем на уровне отдельно взятого региона.

Кантос, Гумао-Альберт и Маудос (Cantos, Gumau-Albert and Maudos) в рамках своей работы [22] рассматривали влияние развития инфраструктуры на динамику отдельных отраслей промышленности в Испании. Было обнаружено, что рост инвестиций в транспортную инфраструктуру на 10% приводит к увеличению продуктивности частного сектора на 0,38-0,42%. Авторы приходят к выводу, что транспортная инфраструктура увеличивает производительность в тех отраслях, которые специализируются на производстве торгуемых товаров (обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство), в то время как доходность сектора услуг и розничная торговля падает.

Маззенга, и Равн в своей работе [23] приходят к выводу, что снижение затрат и времени перевозки способствует повышению конкурентоспособности продукции, производимой отдельными компаниями.

Исследователь транспортной инфраструктуры в Канаде Хедд [24] определил, что удвоение расстояния перевозки грузов приводит к снижению объемов торговли наполовину, поскольку влияет на конечную стоимость товаров.

Надири и Мамуниас анализировали [25] влияние инфраструктуры на производительность частного сектора. Экспертами оценивались данные по 35 секторам экономики США в период 1950-1989 гг. Данные включали совокупный доход, материальные издержки, частный капитал и труд.

Авторы приходят к выводу, что инфраструктурный капитал (highway capital) положительно влияет как на экономическую динамику отдельных отраслей, так и страны в целом. Большую выгоду от развития инфраструктуры получают промышленные отрасли, в то же время непромышленные отрасли экономики получают отрицательный эффект. С одной стороны, неторгуемые отрасли не зависят от инфраструктуры, но по мере ее развития и открытия рынков эти отрасли страдают от нехватки капитала и рабочей силы, которые перемещаются в более конкурентоспособные отрасли производства промышленных товаров. Особенно это характерно для регионов со слабой экономической динамикой.

В работе Riccardo Crescenzi & Andrés Rodríguez-Pose [26] оценивалось влияние транспортной инфраструктуры, инвестиций в НИОКР, запаса человеческого капитала на экономический рост 15 стран ЕС в период 1990-2004 гг. Авторы исходили из предположения, что на динамику экономического роста оказывает влияние не только локальная инфраструктура, но и степень развитости транспортной инфраструктуры соседних регионов. Однако, в работе не была подтверждена значимость влияния развития транспортной инфраструктуры на экономический рост. Оценка показала отсутствие статистической значимости влияния инфраструктуры на производительность экономики региона, что авторы объясняют проблемой эндогенности. Не удалось обнаружить положительной взаимосвязи и китайским исследователям [27].

Что касается взаимосвязи экономической динамики российских регионов и развития инфраструктуры, то работы исследователей не обнаруживают устойчивой взаимосвязи.

Так в работе авторского коллектива под руководством Олега Лугового из Института Гайдара [16], посвященной изучению влияния инфраструктуры на экономическое развитие регионов, было выявлено, что наличие в регионе морского

порта положительно влияет на макроэкономическую динамику региона, что объясняется доступом к внешним рынкам. Авторы приходят к выводу, что развитие транспортной инфраструктуры улучшает географическую связанность и делает рынки более доступными тем самым приводит к более высоким темпам роста ВРП на душу населения.

Вместе с тем улучшение подключения инфраструктуры к портам также не является простым. Выгоды от улучшения связей могут сдерживаться внешнеторговыми режимами, в то время как отрицательные результаты, вытекающие из усиления конкуренции с импортируемой продукцией, также возможны. Это говорит о том, что общее улучшение транспортной инфраструктуры может быть одним из приоритетов, но конкретные инвестиции должны подвергаться детальному анализу в отношении их потенциального воздействия на региональную экономику.

В работе Е.А. Коломак [28] оценивается влияние инфраструктуры на региональную экономику. В качестве инфраструктуры рассматривается плотность авто- и железных дорог. В работе использовались данные с 1995-2007 гг., в качестве регионов рассматриваются 79 субъектов РФ, которые были поделены на следующие группы: Европейская часть России и регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока. Анализ показал единственную статистически значимую положительную связь железнодорожной инфраструктуры в Европейской части с ВРП. Применительно к развитию автодорог взаимосвязь с ВРП не была найдена, что приводит автора к выводу об отсутствии влияния инфраструктурного капитала на региональный экономический рост. Более того, автор заключает, что увеличение инфраструктурного капитала в одном регионе может приводить к снижению темпов экономического роста в соседних регионах за счет перетока труда и капитала.

В работе Колчинской, Калишенко, Лебмента [29] при оценке инфраструктуры на экономическую динамику также все коэффициенты при переменных, описывающих транспортную инфраструктуру, оказались незначимыми.

Можно привести в пример наиболее производительные субъекты России, где обеспеченность автодорогами, напротив, самая низкая от 1,2 км автодорог с твердым покрытием на 1000 кв. км. территории до 25 км при среднем показателе по России – 65. (Таблица 5)

Таблица 5 – Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, километров дорог на 1000 кв. км. территории и ВРП на душу населения, руб. в 2016 г.

	Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, километров дорог на 1000 кв. км. территории	ВРП на душу населения, руб.
Ненецкий автономный округ	1,4	5821559,8
Ханты-Мансийский автономный округ	10,7	1852318,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	3,0	3670257,6
Тюменская область	15	1627945,9
Сахалинская область	25	1575642,6
Республика Саха (Якутия)	3,9	903611,1
Чукотский автономный округ	1,2	1323201,3
Магаданская область	5,5	1006587,5

Источник: Росстат

В работе Исаева [30] вовсе был обнаружен отрицательный эффект автомобильных дорог для динамики экономического роста региона, в то время как железные дороги, напротив, оказывают положительное влияние на развитие экономики региона. Также, как и в работе Коломак было обнаружено, что регионы с развитой инфраструктурой оказывают отрицательное влияние на экономическую динамику соседних регионов с менее развитой инфраструктурой. Это объясняется тем, что регионы с хорошо развитой транспортной инфраструктурой имеют более высокие темпы экономического роста, что заставляет факторы производства – труд и капитал – концентрироваться в динамичных регионах в ущерб экономическому росту соседних регионов с менее развитой транспортной инфраструктурой. В результате этого экономический рост в регионах с менее развитой инфраструктурой замедляется.

Автор приходит к выводу, что обеспеченность транспортной инфраструктурой является фактором роста в рамках отдельно взятого региона, однако наличие отрицательных пространственных эффектов говорит о том, что инвестиции в развитие транспортных сетей будет иметь лишь незначительный отклик на экономической динамике.

Важно выявлять ситуации, в которых регионы не в состоянии использовать потенциальные выгоды от доступа к рынкам и пытаться устранить причины этого. В некоторых случаях связанность между регионами может быть ограничена из-за факторов, выходящих за рамки качества транспортной инфраструктуры и услуг. Например, регионы вокруг Москвы и Московской области не могут извлечь выгоду от близости к крупнейшему рынку страны: время в пути до Москвы и ВРП на душу населения регионов коррелируют отрицательно.

Можно привести несколько предположений, объясняющих такое положение дел. Одна из гипотез предполагает, что низкое качество транспортной инфраструктуры и высокий уровень загруженности делают московский рынок гораздо менее доступным для производителей из соседних регионов, чем можно предположить по расстоянию [31]. Другое объяснение указывает на эффект «утечки мозгов», который Москва оказывает на соседние регионы. Данные показывают, что Москва и Московская область имеют сильный положительный миграционный баланс, в то время как соседние регионы привлекают мигрантов с меньшей скоростью или теряют население. Большая разница в оплате труда между Москвой и большинством регионов Центрального федерального округа создает сильный стимул для миграции молодежи и высококвалифицированных работников [32].

Однако высокие экономические показатели Москвы в значительной степени зависят от фактора ее административного сектора, который быстро уменьшается с расстоянием. Иными словами, если бы главной причиной высокой производительности труда в Москве был размер рынка, то и бизнес в соседних регионах тоже получил бы выгоду. Но если привлекательность столицы будет определяться в основном близостью к бюрократическому аппарату, то соседние регионы вряд ли выиграют [33].

1.6 Влияние наличия высокотехнологичных секторов на развитие регионов

В последние годы технологический уровень российской экономики снижается. Индекс экономической сложности (ЕСІ) российской экономики постепенно снижался в период с 2000 по 2016 гг. Если в 2000 г. этот показатель составлял 0,652, то в 16 лет спустя - всего лишь 0,235, что видно из Рисунок 1.

Источник: Atlas of economic complexity by Center for international development by Harvard University // <http://atlas.cid.harvard.edu/rankings/2016?country=>

Рисунок 1 – Изменение индекса ЕСИ России в период с 1998 г. по 2016 г.

В течение этого периода доля продукции обрабатывающей промышленности в российском экспорте постепенно снижалась по мере роста экспорта природных ресурсов. В то время, как индекс экономической сложности Китая постоянно увеличивался - с 0,475 в 2000 г. до 1,16 в 2016 г. (Таблица б).

Таблица б – Рейтинг стран по показателю ЕСИ, 2016 г.

Рейтинг	Страна	ЕСИ
1	Япония	2,26
2	Швейцария	2,17
3	Корея	2,03
4	Германия	2,01
5	Сингапур	1,89
6	Австрия	1,74
7	Чехия	1,71
8	Швейцария	1,65
9	Финляндия	1,57
10	США	1,55
11	Венгрия	1,53
12	Великобритания	1,49

13	Словения	1,45
14	Ирландия	1,44
15	Словакия	1,38
16	Италия	1,37
17	Франция	1,36
18	Китай	1,16
19	Бельгия	1,13
20	Польша	1,12
21	Мексика	1,11
22	Малайзия	1,08
23	Дания	1,07
24	Румыния	1,03
25	Нидерланды	1,03
26	Эстония	1,01
27	Таиланд	0,99
28	Гонконг	0,97
29	Израиль	0,89
30	Филиппины	0,85
31	Белоруссия	0,81
32	Хорватия	0,78
33	Испания	0,78
34	Литва	0,72
35	Канада	0,7
36	Португалия	0,68
37	Панама	0,67
38	Босния и Герцеговина	0,65
39	Норвегия	0,64
40	Сербия	0,58
41	Латвия	0,55
42	Болгария	0,49
43	Турция	0,37
44	Ливан	0,32
45	Тунис	0,31
46	Коста-Рика	0,25
47	Украина	0,25
48	Россия	0,23
49	Индия	0,19
50	Саудовская Аравия	0,17
51	ОАЭ	0,16
52	Сальвадор	0,14

53	Бразилия	0,14
54	Новая Зеландия	0,12
55	Иордания	0,12
56	Вьетнам	0,12
57	Киргизия	0,11
58	Греция	0,05
59	Индонезия	0
60	Уругвай	0
61	Колумбия	-0,02
62	Македония	-0,15
63	Молдавия	-0,16
64	Чили	-0,16
65	Египет	-0,17
66	Южная Африка	-0,18
67	Тринидад и Тобаго	-0,22
68	Доминиканская Республика	-0,24
69	Грузия	-0,25
70	Ямайка	-0,28
71	Оман	-0,29
72	Маврикий	-0,3
73	Кувейт	-0,31
74	Гватемала	-0,31
75	Уганда	-0,32
76	Катар	-0,4
77	Шри Ланка	-0,4
78	Намибия	-0,44
79	Мали	-0,44
80	Гондурас	-0,47
81	Албания	-0,49
82	Марокко	-0,5
83	Аргентина	-0,5
84	Казахстан	-0,52
85	Сенегал	-0,54
86	Австралия	-0,59
87	Иран	-0,61
88	Кения	-0,62
89	Куба	-0,65
90	Португалия	-0,67
91	Камбоджа	-0,7
92	Пакистан	-0,71

93	Узбекистан	-0,74
94	Перу	-0,76
95	Либерия	-0,8
96	Ботсвана	-0,8
97	Никарагуа	-0,83
98	Алжир	-0,86
99	Йемен	-0,87
100	Бангладеш	-0,93
101	Туркменистан	-0,94
102	Зимбабве	-1,01
103	Лаос	-1,02
104	Гана	-1,04
105	Ливия	-1,04
106	Мадагаскар	-1,05
107	Таджикистан	-1,05
108	Танзания	-1,06
109	Боливия	-1,07
110	Эфиопия	-1,1
111	Камерун	-1,11
112	Монголия	-1,12
113	Эквадор	-1,12
114	Судан	-1,24
115	Мозамбик	-1,27
116	Ангола	-1,28
117	Замбия	-1,29
118	Венесуэла	-1,32
119	Малави	-1,36
120	Азербайджан	-1,39
121	Мавритания	-1,54
122	Конго	-1,57
123	Кот-д`Ивуар	-1,64
124	Гвинея	-1,66
125	Нигерия	-1,7
126	Габон	-1,7
127	Папуа-Новая Гвинея	-1,73

Источник: Atlas of economic complexity by Center for international development by Harvard University

Для сравнения - в рейтинге экономической сложности стран мира первое место занимает Япония с индексом 2,26, второе - Швейцария с индексом 2,17 (Таблица 6).

Технологически развитые предприятия имеют решающее значение для региональной производительности. Доля занятых в высокотехнологичном и среднетехнологичном промышленном производстве сильно коррелирует с ростом производства на душу населения в Западной России. В среднем, увеличение доли среднеквадратического отклонения высокой и средней занятости связано с увеличением среднеквадратического отклонения ВРП на душу населения на 0,32 — это вторая по силе корреляция.

Необходимость высокотехнологического развития признается на правительственном уровне. Поэтому усилия по поддержке развития высокотехнологичного бизнеса устойчиво развиваются как на национальном, так и на региональном уровнях. Политические инициативы, способствующие развитию технической экономики включают в себя создание особых экономических зон, создание корпорации «Роснано» и инновационного центра «Сколково», открытие 94 бизнес-инкубаторов, 85 технопарков, 100 центров трансфера технологий.

Статус особой экономической зоны предполагает действия на данной территории налоговых и таможенных льгот, как для национальных, так и для иностранных граждан. Так, системное развитие особых экономических зон в России началось еще в 2005 г. ОЭЗ создается сроком на 49 лет без права продления. Целью создания ОЭЗ является привлечение иностранных инвестиций, развитие экспортной базы, создание новых рабочих мест. В зависимости от формы хозяйственной деятельности ОЭЗ могут быть торговыми, производственными, технико-внедренческими, сервисными, туристическими.

Так, в 2005 г. были созданы промышленные зоны на территории Елабужского района Республики Татарстан - ОЭЗ «Алабуга» и Грязинского района Липецкой области - ОЭЗ «Липецк»). В 2010 г. - в Самарской области - ОЭЗ Тольятти, а также «Титановая долина» (Верхняя Салда, Свердловская область). В 2015 г. была создана ОЭЗ «Ступино квадрат» в Ступинском муниципальном районе Московской области.

Шесть инновационных или технико-внедренческих ОЭЗ было создано на территории Татарстана, Томска, Санкт-Петербурга, Москвы (Зеленограда), Дубны и Фрязино (Московская область).

Также было создано 13 туристических ОЭЗ на территории Иркутской области, Алтайского края, Республики Алтай, Республики Бурятия, Калининградской области, Приморского края, в том числе шесть ОЭЗ были расположены в северо-кавказском федеральном округе.

Бизнес, действующий на территории ОЭЗ частично или полностью освобождается от уплаты налогов на собственность и имущество, НДС, для промышленных зон налог на прибыль снижается на 4% до 16%, для инновационных зон предусмотрено снижение ЕСН с 26% до 14%.

Торговые ОЭЗ освобождены от импортных пошлин на сырье, ввозимое для использования внутри зоны, также они частично или полностью освобождены от экспортных пошлин на изготовленную внутри зоны продукцию.

В 2012 г. Счетная палата РФ провела проверку эффективности ОЭЗ на территории России. Было выявлено, что «фактически не функционируют ОЭЗ в Хабаровском и Приморском краях, Мурманской области, перспективные планы развития указанных ОЭЗ, предусмотренные соглашениями об их создании, не разработаны и не утверждены». Однако объем потраченных средств на подготовительные мероприятия составил 59,9 млн. руб. Всего из федерального бюджета в период с 2006 г по 2012 гг. было направлено 98 млрд руб. Регионы направили порядка 11 млрд руб.

«Общий объем выполненных работ по состоянию на 1 января 2013 года по созданию инфраструктуры ОЭЗ составил 52316,28 млн. рублей, или 68,4 % общей стоимости заключенных договоров. На 1 октября 2013 года общий объем 170 выполненных работ по созданию инфраструктуры ОЭЗ составил 59338,7 млн. рублей, увеличившись на 13,4 %».

Невысокими остаются показатели ввода в эксплуатацию объектов. Так, на начало 2013 г. из 100 планируемых объектов был построен 21, а к ноябрю того же года - 26 объектов. Причем, наиболее низкие темпы строительства в технико-внедренческих ОЭЗ (из 52 планируемых объектов построено 4), и туристско-рекреационных (из 20 планируемых построено 2).

Досрочно прекратили свою деятельность ОЭЗ в Калининградской области, на которую неэффективно было потрачено 77,8 млн руб. В общей сложности было неэффективно потрачено 92,8 млн руб.

В ходе проверки деятельность ОЭЗ промышленно-производственного и технико-внедренческого типов признана условно эффективной. Деятельность ОЭЗ туристско-рекреационного и портового типов признана неэффективной.

По результатам проверки Счетной палатой ОЭЗ в 2016 г. также была признана их низкая эффективность. За 11 лет существования ОЭЗ создано всего 21,1 тыс. рабочих мест. В среднем на создание одного рабочего места на территориях ОЭЗ направлено 9,1 млн руб. бюджетных средств, а с учетом инвестиций, вложенных резидентами ОЭЗ, этот показатель увеличивается до 21 млн рублей [35].

Однако результаты этих инициатив остаются неясными. В то же время централизация финансирования НИОКР, отсутствие частного сектора и научных исследований под руководством университетов, а также слабое сотрудничество между научными кругами и деловыми кругами по-прежнему являются основными политическими проблемами. В одном из исследований ОЭСР, посвященных России, рекомендуется, чтобы регионы принимали программы развития высокотехнологичных кластеров на основе их текущей экономической структуры. Более развитые регионы с успешными высокотехнологичными кластерами должны сосредоточиться на создании благоприятных условий для бизнеса (доступ к финансам, низкие административные барьеры, поддержка государственно-частного сотрудничества в НИОКР) для повышения конкурентоспособности устоявшихся секторов.

Регионы, в которых производители высокотехнологичной продукции присутствуют, но не играют заметной роли, могут стремиться к расширению такой деятельности путем поддержки МСП, поощрения экспорта и привлечения ПИИ, в то время как регионы с небольшим или нулевым высокотехнологичным сектором должны сосредоточиться на улучшении базовых условий, таких как навыки, а также инфраструктура для содействия развитию новых сложных продуктов или секторов [36].

1.7 Индекс человеческого развития регионов

Существует множество методик расчетов и индексов качества населения. Однако наиболее универсальным показателем является Индекс человеческого развития (ИЧР), разработанный ООН еще в 1990 г. До 2013 г. этот показатель назывался Индекс развития человеческого потенциала. При его расчете учитываются такие показатели, как продолжительность жизни, показатели уровня образования (доля грамотного

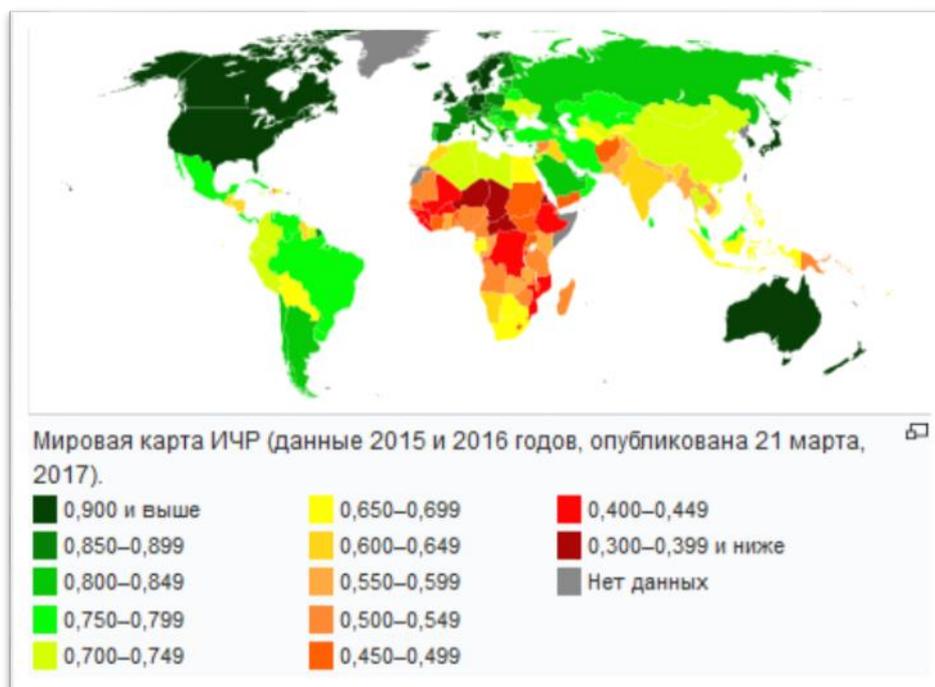
населения и учащихся) и доходов (ВВП на душу населения по ППС). На основе этих показателей рассчитывается среднеарифметическое трех индексов. Затем показатели по каждому объекту сопоставляются с максимальными и минимальными значениями. Индекс ИЧР позволяет не только оценить качество человеческого капитала в стране/регионе, но и произвести сопоставления между объектами. Ежегодно ООН рассчитывает ИЧР по всем странам мира за исключением небольших островных государств и стран с сомнительной статистикой.

В 2014 г. Россия по методологии ООН получила индекс ИЧР 0,798 и попала в число стран с высоким уровнем человеческого капитала (см. Таблица 7 и Рисунок 2 – Мировая карта Индекса человеческого развития). Самый высокий индекс у Норвегии - 0,944. Отстающими в данном рейтинге являются страны Центральной Африки - Центрально-Африканская Республика (0,35) и Нигер (0,348). Основным фактором плохих показателей ИЧР является полное отсутствие системы образования (Таблица 7).

Таблица 7 – Динамика Индекса человеческого развития по странам мира

№	Страна	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014
1	Норвегия	0,849	0,917	0,94	0,941	0,942	0,942	0,944
6	Германия	0,801	0,855	0,906	0,911	0,915	0,915	0,916
8	США	0,859	0,883	0,909	0,911	0,912	0,913	0,915
9	Канада	0,849	0,867	0,903	0,909	0,91	0,912	0,913
14	Великобритания	0,773	0,865	0,906	0,901	0,901	0,902	0,907
20	Япония	0,814	0,857	0,884	0,886	0,888	0,89	0,891
22	Франция	0,779	0,848	0,881	0,884	0,886	0,887	0,888
26	Испания	0,756	0,827	0,867	0,87	0,874	0,874	0,876
36	Польша	0,713	0,786	0,829	0,833	0,838	0,84	0,843
50	Беларусь	-	0,683	0,786	0,793	0,796	0,796	0,798
50	Россия	0,729	0,717	0,783	0,79	0,795	0,797	0,798
56	Казахстан	0,69	0,679	0,766	0,772	0,778	0,785	0,788
72	Турция	0,576	0,653	0,738	0,751	0,756	0,759	0,761
75	Бразилия	0,608	0,683	0,737	0,742	0,746	0,752	0,755
81	Украина	0,705	0,668	0,732	0,738	0,743	0,746	0,747
90	Китай	0,501	0,588	0,699	0,707	0,718	0,723	0,727
116	ЮАР	0,621	0,632	0,643	0,651	0,659	0,663	0,666
130	Индия	0,428	0,496	0,586	0,597	0,6	0,604	0,609
188	Нигер	0,214	0,257	0,326	0,333	0,342	0,345	0,348

Источник: ПРООН

Источник: ПРООН

Рисунок 2 – Мировая карта Индекса человеческого развития

Что касается России, то на основе методики расчета ИЧР ООН Аналитический центр при правительстве РФ ведет аналитику по российским субъектам. Согласно «Докладу о человеческом развитии России - 2014» Аналитического центра, динамика индекса в целом по стране и для отдельных регионов выглядит оптимистично, поскольку в 2014 г. значение ИЧР выросло во всех рассмотренных регионах кроме четырех: в Оренбургской области, Чувашской Республике и Карачаево-Черкесской Республике, Ивановской области.

Рейтинг по величине ИЧР возглавляют Москва (0,946), Санкт-Петербург (0,921) и Тюменская область (0,903). Последняя вышла в лидеры за счет самого высокого в стране уровня ВРП на душу населения (80,6 тыс. долл.). Последними в рейтинге стоят Чеченская республика (0,799): отстает по причине низкого ВРП на душу населения, Еврейская автономная область (0,797) и Республика Тыва (0,775) - в субъектах наблюдается невысокие показатели продолжительности жизни.

Авторы доклада приходят к выводу, что основным фактором низкого показателя ИЧР являются низкие показатели доходов и ожидаемой продолжительности

жизни. Большее количество населения - более 70% - сосредоточено в регионах со средним (медианным) уровнем развития человеческого потенциала: от среднего по стране до более низкого (0,8). В регионах с показателем ИЧР выше 0,9 проживает 12% населения России - это Москва и Санкт-Петербург. 8% населения проживает в регионах с индексом ИЧР ниже 0,9, преимущественно это экспортно ориентированные регионы. В регионах с самыми низкими показателями ИЧР - менее 0,8 проживает 5-7% населения России.

Москва и Санкт-Петербург, в которых проживает почти 12% населения, имеют показатели ИЧР выше 0,900. В регионах с показателями ИЧР выше средних по стране, но не превышающих 0,900, проживает 8% населения, в основном это регионы с экспортной ориентацией экономики. Подавляющее большинство населения (более 70%) сосредоточено в регионах со средним (медианным) уровнем развития человеческого потенциала: от среднего по стране до более низкого (0,800). Регионов аутсайдеров в России немного, в них концентрируется только 5–7% населения (Таблица 8 – Изменение индекса ЕСИ России в период с 1998 г. по 2016 г.).

Таблица 8 – Изменение индекатора ЕСІ России в период с 1998 г. по 2016 г.

	Душевой ВВП, долл. ППС	Индекс дохода	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность	Доля учащихся в возрасте 7-24 лет	Индекс образования	ИЧР 2014	Место в рейтинге 2014	ИСР 2013	Место в рейтинге 2013
Россия	25365	0,924	70,93	0,766	99,7	0,806	0,933	0,874		0,869	
г. Москва	47188	1	76,7	0,862	100	0,927	0,975	0,946	1	0,944	1
г. Санкт- Петербург	30344	0,954	74,57	0,826	99,9	0,955	0,984	0,921	2	0,916	2
Тюменская обл.	80566	1	71,5	0,775	99,7	0,812	0,935	0,903	3	0,901	3
Респ. Татарстан	30467	0,955	72,17	0,786	99,7	0,833	0,942	0,894	4	0,89	4
Белгородская обл.	28201	0,942	72,25	0,788	99,7	0,835	0,943	0,891	5	0,885	5
Респ. Саха (Якутия)	35090	0,978	69,81	0,747	99,6	0,789	0,927	0,884	6	0,869	9
Респ. Коми	31700	0,961	69,05	0,734	99,7	0,863	0,952	0,883	7	0,882	6
Томская обл.	25316	0,924	70,67	0,761	99,7	0,873	0,956	0,88	8	0,871	8
Сахалинская обл.	75091	1	67,89	0,715	99,7	0,781	0,925	0,88	9	0,877	7
Красноярский край	30698	0,956	69,23	0,737	99,6	0,819	0,937	0,877	10	0,865	14-16
Свердловская обл.	24716	0,92	69,76	0,746	99,8	0,867	0,954	0,873	11	0,868	10

Продолжение таблицы 8

Архангельская обл.	25778	0,927	70,23	0,754	99,8	0,817	0,938	0,873	12	0,866	12
Липецкая обл.	24840	0,92	70,6	0,76	99,6	0,811	0,934	0,872	13	0,858	20-21
Курская обл.	19713	0,882	70,11	0,752	99,6	0,947	0,98	0,871	14	0,865	14-16
Магаданская обл.	28089	0,941	67,19	0,703	99,8	0,903	0,966	0,87	15-16	0,867	11
Омская обл.	21810	0,899	70,13	0,752	99,5	0,884	0,958	0,87	15-16	0,865	14-16
Краснодарский край	20243	0,886	72,28	0,788	99,8	0,776	0,924	0,866	17-19	0,864	17
Ярославская обл.	19948	0,884	70,64	0,761	99,8	0,864	0,953	0,866	17-19	0,862	19
Оренбургская обл.	26406	0,931	68,73	0,729	99,6	0,819	0,937	0,866	17-19	0,866	20
Самарская обл.	23082	0,908	69,63	0,744	99,7	0,833	0,942	0,865	20	0,857	22-24
Новосибирская обл.	20708	0,89	70,28	0,755	99,6	0,853	0,948	0,864	21-23	0,857	22-24
Воронежская обл.	20508	0,888	70,82	0,764	99,6	0,83	0,941	0,864	21-23	0,857	22-24
Астраханская обл.	20147	0,886	70,76	0,763	99,3	0,847	0,944	0,864	21-23	0,863	18
Пермский край	23802	0,913	69,04	0,734	99,6	0,836	0,943	0,863	24	0,856	25
Удмуртская обл.	20304	0,887	70,03	0,751	99,6	0,854	0,949	0,862	25	0,858	20-21
Волгоградская обл.	19309	0,878	71,62	0,777	99,7	0,768	0,921	0,859	26	0,848	33-35
Новгородская обл.	22876	0,907	68,41	0,724	99,7	0,834	0,943	0,858	27-28	0,842	43

Продолжение таблицы 8

Иркутская обл.	25601	0,926	66,87	0,698	99,6	0,856	0,949	0,858	27-28	0,847	36-37
Московская обл.	21614	0,897	70,94	0,766	99,9	0,73	0,909	0,857	29-30	0,852	29-30
Челябинская обл.	19636	0,881	69,71	0,745	99,7	0,841	0,945	0,857	29-30	0,848	33-35
Мурманская обл.	21477	0,896	69,97	0,75	99,8	0,772	0,923	0,856	31	0,855	26-28
Респ. Башкортостан	20883	0,892	69,76	0,746	99,6	0,794	0,929	0,855	32-34	0,855	26-28
Калужская обл.	20341	0,887	69,93	0,749	99,8	0,792	0,929	0,855	32-34	0,855	26-28
Тамбовская обл.	18098	0,868	71,11	0,769	99,5	0,794	0,928	0,855	32-34	0,843	39-42
Рязанская обл.	17545	0,862	70,8	0,763	99,7	0,815	0,936	0,854	35-37	0,85	31
Вологодская обл.	20036	0,885	69,74	0,746	99,6	0,801	0,931	0,854	35-37	0,848	33-35
Нижегородская обл.	20156	0,886	69,53	0,742	99,7	0,805	0,933	0,854	35-37	0,849	32
Орловская обл.	16803	0,855	69,88	0,748	99,6	0,874	0,955	0,853	38	0,852	29-30
Калининградская обл.	19636	0,881	70,28	0,755	99,7	0,764	0,919	0,852	39-40	0,847	36-37
Чукотский АО	43483	1	62,32	0,622	99,7	0,805	0,933	0,852	39-40	0,838	49
Саратовская обл.	16538	0,853	70,95	0,766	99,7	0,796	0,93	0,849	41-42	0,846	38
Пензенская обл.	16055	0,848	71,63	0,777	99,6	0,772	0,921	0,849	41-42	0,843	39-42
Респ. Мордовия	15196	0,838	71,38	0,773	99,5	0,811	0,934	0,848	43-45	0,836	53-54
Респ. Карелия	17280	0,86	69,36	0,739	99,7	0,842	0,945	0,848	43-45	0,843	39-42
Хабаровский край	20119	0,885	68,01	0,717	99,8	0,827	0,941	0,848	43-45	0,839	46-48
Ростовская обл.	14678	0,833	71,3	0,772	99,7	0,817	0,937	0,847	46-47	0,841	44
Тульская обл.	18085	0,868	69,63	0,744	99,7	0,792	0,929	0,847	46-47	0,835	55

Продолжение таблицы 8

Р. Северная Осетия- Алания	12480	0,806	73,82	0,814	99,6	0,76	0,917	0,846	48	0,843	39-42
Респ. Хакасия	19434	0,88	68,83	0,731	99,7	0,771	0,922	0,844	49	0,837	50-52
Ульяновская обл.	15638	0,843	70,37	0,756	99,5	0,798	0,929	0,843	50	0,84	45
Кемеровская обл.	20230	0,886	67,8	0,713	99,7	0,788	0,927	0,842	51-52	0,836	53-54
Костромская обл.	15438	0,841	70,05	0,751	99,6	0,809	0,934	0,842	51-52	0,837	50-52
Кировская обл.	12968	0,812	70,59	0,76	99,6	0,864	0,952	0,841	53	0,83	56-58
Смоленская обл.	15410	0,841	69,44	0,741	99,7	0,826	0,94	0,84	54	0,839	46-48
Ленинградская обл.	24186	0,916	70,28	0,755	99,8	0,545	0,847	0,839	55-56	0,837	50-52
Чувашская респ.	13592	0,82	70,62	0,76	99,6	0,817	0,936	0,839	55-56	0,839	46-48
Приморский край	17194	0,859	68,74	0,729	99,8	0,778	0,925	0,838	57-58	0,828	62
Камчатский край	17723	0,864	68,06	0,718	99,9	0,794	0,931	0,838	57-58	0,83	56-58
Респ. Дагестан	13092	0,814	75,83	0,847	99,2	0,557	0,847	0,836	59	0,826	64-67
Респ. Марий Эл	15057	0,837	69,42	0,74	99,6	0,795	0,929	0,835	60	0,83	56-58
Алтайский край	13371	0,817	70,01	0,75	99,5	0,817	0,936	0,834	61	0,829	59-61
Ставропольский край	12736	0,809	72,75	0,796	99,5	0,695	0,895	0,833	62	0,826	64-67
Владимирская обл.	14560	0,831	69,25	0,738	99,7	0,789	0,928	0,832	63-65	0,829	59-61
Тверская обл.	14645	0,832	68,43	0,724	99,7	0,824	0,939	0,832	63-65	0,826	64-67
Респ. Ингушетия	8759	0,747	79,42	0,907	98,1	0,562	0,841	0,832	63-65	0,823	68

Продолжение таблицы 8

Респ. Адыгея	11738	0,795	72,01	0,784	99,6	0,749	0,914	0,831	66-67	0,827	63
Курганская обл.	13230	0,815	68,75	0,729	99,5	0,853	0,948	0,831	66-67	0,829	59-61
Респ. Калмыкия	11192	0,787	72,03	0,784	99,4	0,767	0,918	0,83	68	0,817	71-72
Брянская обл.	13184	0,815	69,42	0,74	99,6	0,801	0,931	0,829	69	0,826	64-67
Амурская обл.	16509	0,852	67	0,7	99,7	0,805	0,933	0,828	70	0,818	70
Респ. Бурятия	12113	0,801	68,54	0,726	99,5	0,859	0,95	0,825	71	0,816	73
Забайкальский край	14536	0,831	67,38	0,706	99,5	0,787	0,926	0,821	72	0,819	69
Карачаево-Черкесская Респ.	9608	0,762	73,91	0,815	99,3	0,634	0,873	0,817	73	0,817	71-72
Кабардино-Балкарская Респ.	9242	0,755	74,16	0,819	99,4	0,622	0,87	0,815	74	0,808	76
Респ. Алтай	10522	0,777	67,76	0,713	99,5	0,869	0,953	0,814	75	0,805	77
Псковская обл.	12004	0,799	68,07	0,718	99,6	0,776	0,923	0,813	76	0,809	75
Ивановская обл.	9633	0,762	69,88	0,748	99,7	0,781	0,925	0,812	77	0,815	74
Чеченская Респ.	7053	0,71	73,06	0,801	98,2	0,69	0,885	0,799	78	0,792	78
Еврейская АО	12917	0,811	65,2	0,67	99,5	0,741	0,91	0,797	79	0,791	79
Респ. Тыва	10069	0,77	61,79	0,613	99,5	0,835	0,942	0,775	80	0,768	80

Источник: Аналитический центр при Правительстве РФ по методологии ООН

1.8 Влияние качества политических институтов на экономическую динамику регионов

Данные со всего мира подтверждают вывод о том, что институты и управление имеют важное значение для экономического развития. Хотя научные споры о природе причинно-следственной связи между качеством управления, институтами, с одной стороны, и экономическим ростом, с другой стороны, продолжаются, среди научного сообщества существует консенсус относительно наличия взаимосвязи между этими факторами. А в глобальном масштабе качество институтов является определяющим фактором экономического развития той или иной страны [37]. Эмпирические исследования выявили тесную взаимосвязь между конкретными аспектами управления, институтами и экономическим ростом, включая обеспечение исполнения контрактов [38], коррупцию и другие факторы. На глобальном уровне была обнаружена тесная корреляция между качеством управления и уровнем экономического развития [39], в частности, в странах Европейского Союза [40]. Эмпирические исследования показали, что реформы регулирования предпринимательской деятельности и прозрачность регионального управления оказывают положительное влияние на диверсификацию региональных экономик в России [41], и что коррупция является существенным сдерживающим фактором регионального развития в России. Однако высокая степень централизации власти и ресурсов также ограничивает региональные органы власти в возможностях экономического развития [42].

Спецификой России является высокий уровень регуляторной нагрузки, который несут представители бизнеса. Так, в 2012 г. в рейтинге Doing Business (рейтинг, оценивающий качество деловой среды) Россия занимала 120 место. В том же году президентом РФ была поставлена задача за 5 лет подняться до 20 места в рейтинге Doing Business. В результате улучшение нормативно-правовой базы стало одним из главных приоритетов федерального правительства. Сегодня задачи по упрощению регулирования передаются от федерального правительства регионам. В 2017 г. Россия заняла 35 место в рейтинге, опередив Белоруссию, Казахстан, Словакию и Словению. Среди стран БРИКС страна заняла первое место, обойдя Китай, Бразилию, Индию и ЮАР.

Самыми проблемными показателями являются международная торговля и условия получения разрешений на строительство, эти показатели ухудшают ситуацию всего рейтинга, несмотря на то, что наиболее быстрыми темпами в этом году выросли показатели оценки «международная торговля»: сразу на 40 пунктов до 100-го места. Улучшения связаны с упрощением порядка уплаты таможенных платежей и внедрением электронного транзита.

В целом улучшение позиции России в рейтинги во многом связано с изменением регулятивных условий для ведения бизнеса. Показатели регулятивной среды составляют основу рейтинга инвестиционного климата регионов, оцениваемого Агентством стратегических инициатив (АСИ), аналитическим центром, ассоциированным с правительством. В настоящее время рейтинг АСИ является одним из ключевых показателей, используемых федеральными органами власти для оценки деятельности регионального правительства. Он также часто используется в качестве ключевого показателя эффективности для руководителей регионов.

В начале 2000-х гг. был дан старт реформе по снижению регуляторного действия. Целью реформы было сокращение расходов фирм, связанных с проверками, лицензированием и регистрацией. Реформа состояла из пакета трех законов, принятых в разные периоды 2001-2004 годов: закон «О проверках» - в 2001 г.; закон «О лицензировании» - в 2002 год; закон «О регистрации» – 2004 г.

Реформа либерализации ввела четкие измеримые пределы нормативной нагрузки в некоторых областях регулирования. В частности, закон «Об инспекциях» предусматривает, что каждому инспектирующему органу разрешается проводить максимум одну регулярную (или так называемую «плановую») инспекцию каждой фирмы в течение двух лет. Если в ходе проверки нарушений не будет обнаружено, то следующий визит может состояться не ранее, чем через два года. В случае же выявления нарушения, то на фирму накладывается штраф, и инспекторы имеют право вернуться для подтверждения исправления нарушения. Предыдущее законодательство не ограничивало число «запланированных» инспекторами посещений. До вступления в силу нового закона инспекторы очень часто посещали фирмы и редко официально фиксировали нарушения, вместо этого заставляли оплачивать штраф неофициально и не требовали исправлений нарушений. Закон от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»

сокращал перечень видов предпринимательской деятельности, которые требуют лицензий от 250 до 103 видов деятельности. Например, от лицензирования были освобождены следующие виды деятельности: операции с недвижимостью, ломбарды, издательства, аудиостудии, частные сертификационные фирмы, антикварные магазины, строительные фирмы, хлебопекарни, оптовая и розничная торговля хлебом, бурение скважин, производство и сервисные работы в морских портах и др.

В работе Яковлева, Журавской [43] рассматривалось влияние регуляторного действия на экономическое развитие регионов. В качестве предмета исследования были выбраны два региона - Самарская и Амурская области - типичные «хороший» и «плохой» регионы с точки зрения прозрачности ведения бизнеса. Значение прозрачности власти для Самарской области соответствовал 10,9 (4-й из 20 регионов), а Амурской - 3,3 (17-й из 20). В обеих областях была проведена реформа по снижению регулирующего воздействия, однако, данная реформа имела разную эффективность.

Авторы приходят к выводу, что прозрачность власти повлияла на эффективность проведения реформ по либерализации предпринимательской деятельности. Результаты упомянутого выше исследования показывают, что из-за различий в институциональных условиях проведения реформ эффективность реформ существенно отличается. Предполагается, что либерализация предпринимательской деятельности приводит к снижению концентрации промышленности в регионе.

Кроме того, результаты исследования Яковлева, Журавской показывают, что в регионе, аналогичном Самарской области по прозрачности государственного управления, либерализация регистрации приводит к увеличению доли занятости в малом бизнесе на 1 п.п. В отличие от этого, в регионе, аналогичном Амурской области, занятость малого бизнеса на душу населения, как ожидается, сократится в результате реформы на 0,3 п.п., поскольку либерализация не будет проведена должным образом.

Стоит отметить, что в 2017 г. Амурская область вошла в число регионов с наименьшей продолжительностью времени регистрации юридических лиц. В этот список также вошли Республика Башкортостан, Ленинградская область, Новгородская область, Томская область, Тюменская область, Челябинская область, Липецкая область, Республика Адыгея, Краснодарский край [44].

Также Амурская область вошла в число регионов с наименьшим количеством процедур необходимых для регистрации юридических лиц. Также в этот список вошли: Приморский край, Саратовская область, Псковская область, Республика Карелия, Красноярский край, Свердловская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Ростовская область [44].

Успешный опыт проведения институциональных реформ, в частности, реформы по снижению регулирующего воздействия имеет Ульяновская область, где впервые была введена практика обязательной оценки регулирующего воздействия каждой законотворческой инициативы, принятой на уровне регионального правительства. Также в структуре областного правительства существует специальное подразделение, которое проводит анализ контрольно-надзорных мероприятий на предмет их обоснованности для субъектов бизнеса. В ходе анализа был составлен подробный перечень требований, с которыми контрольно-надзорные органы могут обращаться к субъектам предпринимательской деятельности. В итоге процедура проверок контрольными органами стала более предсказуемой и сократились возможности для коррупции. Также под эгидой правительства Ульяновской области проводятся постоянно опросы предпринимателей на предмет работы контрольно-надзорных органов, что также помогает бороться с коррупцией и необоснованными проверками.

Также правительство Ульяновской области предпринимает большие усилия по поддержке малых и средних предприятий, а также стартапам: льготное финансирование, улучшение имиджа предпринимательской деятельности, создание услуги «единого окна» и др.

Опыт Ульяновской области за последние 20 лет подтверждает, что улучшение институциональной среды и управления в регионе может оказать влияние на экономические результаты, в то время как плохое управление может сдерживать экономическое развитие региона. На протяжении 1990-х годов регион управлялся очень консервативной политической элитой, которая продолжалась с советского периода. Региональное правительство использовало прибыль крупных промышленных предприятий для субсидирования цен на продовольствие, ввело контроль за ценами и контролировало поток товаров через региональные границы, чтобы избежать арбитражной торговли. Такой подход предотвратил полный крах

экономики в 1990-е годы, но экономическая модель оказалась неэффективной в рыночных условиях, что стало проявляться ближе к 2000-м гг.

В 2000 г. в ходе выборов произошла смена политической элиты, которая отменила протекционистские и изоляционистские меры, что привело к угрозе внешней конкуренции. Часть предприятий обанкротилась, часть ключевых региональных предприятий удерживалась на плаву усилиями местных властей. Таким образом, в годы быстрого восстановления экономики России (1998-2004 годы) регион отстал от темпов роста страны в целом. В 2005 г. произошла очередная смена правительства. Новое правительство заявило о курсе на наращивание частных инвестиций как основного драйвера экономического роста. Также новое областное правительство акцентировало внимание на упрощении регулирования. В результате предпринятых мер регион стал одним из лидеров по привлечению прямых иностранных инвестиций. В регион пришли такие международные гиганты, как Mars, DMG Mori и Bridgestone, построившие в регионе новые заводы. Уже в 2006 г. Ульяновская область опередила по темпам роста национальную экономику. В 2012 г. столица региона город Ульяновск вошел в число 30 городов России по легкости ведения бизнеса.

Однако Ульяновская область имеет ограничение для дальнейшего экономического развития со стороны человеческого капитала. Продолжительный экономический кризис в регионе привел к оттоку населения из области. В период 2002- 2013 гг., Ульяновская область потеряла 8% своего населения, в том числе 12% от своего трудоспособного населения. С 2012 г. регион потерял почти 20 тыс. рабочих мест, однако уровень безработицы продолжает снижаться и в настоящее время он составляет ниже 5%. Но нехватка трудовых ресурсов ставит под угрозу дальнейший рост, стимулируемый ПИИ.

Также большой проблемой для региона является советское наследие – зависимость экономики от крупных промышленных предприятий - Уральский машиностроительный завод (производитель систем ПВО), Уральский автозавод (производитель легендарных советских полноприводных автомобилей), Авиастар. Эти компании сильно зависят от контрактов с государством и им сложно конкурировать с другими компаниями.

Региональное правительство по-прежнему ограничено рамками имеющихся у него полномочий и ресурсов. В результате регионам сложно заниматься

масштабными и долгосрочными проектами, способствующими экономическому развитию. Крупные инвестиции в инфраструктуру возможны только при Федеральной поддержке, а комплексные реформы (например, реформа системы регулирования) ограничены федеральным законодательством. Бизнес-среда практически не влияет на расстановку политических приоритетов регионального развития и привлечение неправительственных субъектов к осуществлению политики.

Эффективность реформирования региональной регуляторной среды существенно сдерживается ролью федеральных регуляторных инспекций. Региональные филиалы федеральных агентств, подчиняющиеся непосредственно Москве, проводят некоторые региональные регуляторные проверки в обход региональной власти, например, Сельхознадзор, Роспотребнадзор, проверки по охране труда, и другие. Сколько бы регионы ни пытались ограничить регуляторное воздействие на бизнес, они не могут в полной мере регламентировать практику и политику этих проверок.

Несмотря на предпринимаемые усилия по снижению регуляторного воздействия, в 2015 г. количество проверок увеличилось в 65 из 81 региона, в то время как количество плановых проверок было снижено. Это было обусловлено увеличением количества внеплановых проверок, которые контролирующие инспекционные органы могут проводить без решения суда. Попытки региональных властей взять под контроль все регулирующие инспекции оказались безуспешными.

Меры регулирования, принимаемые на федеральном уровне, зачастую не учитывают обстоятельств в отдельных регионах и могут иметь существенные негативные последствия. Независимо от того, являются ли такие нормативные акты результатом отсутствия консультаций, слабого потенциала федеральных ведомств или коррупции, они ограничивают возможности регионов по улучшению делового климата.

1.9 Влияние инвестиций на экономическую динамику регионов

Опыт описанных выше регионов показывает, что открытость для инвесторов, стремление обеспечить благоприятные условия (инфраструктурная поддержка,

упрощение бюрократических процедур, помощь в получении федеральных субсидий) могут привести к быстрым экономическим результатам для регионов.

Однако после введения экономических санкций ЕС и США против России конкуренция за инвестиционный капитал среди регионов усилилась, поскольку пул инвесторов значительно сократился. По мере обострения конкуренции за инвесторов регионы могут пойти на снижение налогов, что будет невыгодно и без того стесненным региональным бюджетам.

Для привлечения инвестиций регионы прибегают к модели «институты развития», которая впервые была применена в Калужской области, а затем модель была принята в 40 регионах России. «Институты развития» используют государственное финансирование для подготовки государственных земель для инвесторов, предоставления услуг по поддержке инвесторов и помогают инвесторам решать проблемы, облегчая прямой доступ к высшим должностным лицам региона. Их главное преимущество заключается в способности применять более гибкий, целенаправленный и ориентированный на клиента подход к управлению, применяемый, как правило, в частном секторе. Однако не все «институты развития» успешны. Многие из них борются за создание эффективных систем и протоколов, необходимых для анализа рыночных тенденций и выявление потенциальных инвесторов, предоставление инвесторам услуг стабильно высокого качества, а также мобилизация и удержание квалифицированного персонала.

Агентство стратегических инициатив ежегодно, начиная с 2013 г., оставляет рейтинг состояния инвестиционного климата регионов. В 2018 г. рейтинг возглавила Тюменская область, высокую позицию в рейтинге ей обеспечили показатели ВРП на душу населения. В тройке лидеров также оказались Москва и Республика Татарстан (1-е место в рейтинге 2017 г.). В Топ-10 Рейтинга АСИ вошли также Санкт-Петербург, Тульская область, Краснодарский край, Воронежская область, Чувашская Республика, Московская область, Ульяновская область.

В целом в Национальном рейтинге рост был зафиксирован у 78 регионов, что составило 92 % от общего числа. Особенно выросли показатели Тюменской области, Калининградской области, Новгородской области, Курганской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Москвы и Санкт-Петербурга.

Места с 11-20 заняли следующие регионы: Белгородская область, Ленинградская область, Калужская область, Ханты-Мансийский автономный округ –

Югра, Калининградская область, Тамбовская область, Ярославская область, Хабаровский край, Новосибирская область, Свердловская область [45].

Также «Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России» составляет рейтинговое агентство «Эксперт-РА», начиная с 1996 г. «Эксперт-РА» оценивает инвестиционный потенциал, учитывающий насыщенность территории региона факторами производства (природными ресурсами, рабочей силой, основными фондами, инфраструктурой и т.п.), потребительский спрос населения и другие показатели, влияющие на потенциальные объемы инвестирования в регион; инвестиционные риски, отражающие некоммерческие риски среды, с которыми приходится сталкиваться предпринимателям в субъекте, а также общее состояние бизнеса в регионе. Инвестиционный потенциал оценивается по 9 видам: природно-ресурсный, трудовой, производственный, потребительский, инфраструктурный, инновационный, институциональный, финансовый, туристический. Также оцениваются 6 видов рисков: экономический, социальный, финансовый, управленческий, экологический, криминальный [46].

В результате оценки каждому региону присваивается индекс, определяющий соотношение между уровнем интегрального инвестиционного риска и величиной совокупного инвестиционного потенциала региона. По соотношению величины совокупного потенциала и интегрального риска каждый регион России относится к одной из следующих рейтинговых категорий:

- высокий потенциал – минимальный риск (1А),
- высокий потенциал – умеренный риск (1В),
- высокий потенциал – высокий риск (1С),
- средний потенциал – минимальный риск (2А),
- средний потенциал – умеренный риск (2В),
- средний потенциал – высокий риск (2С),
- пониженный потенциал – минимальный риск (3А1),
- незначительный потенциал – минимальный риск (3А2),
- пониженный потенциал – умеренный риск (3В1),
- пониженный потенциал – высокий риск (3С1),
- незначительный потенциал – умеренный риск (3В2),
- незначительный потенциал – высокий риск (3С2),
- низкий потенциал – экстремальный риск (3D).

Рейтинг «Эксперт-РА» отличается от рейтинга АСИ. Так, в 2018 г. лидером по инвестиционной привлекательности стал Краснодарский край — 1-е место, затем — Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Свердловская область, Белгородская область, Нижегородская область. Тюменская область заняла лишь 29-ю строчку в рейтинге (Таблица 9).

Таблица 9 – Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России

№	Субъект РФ	Индекс
1	Краснодарский край	1А
2	Москва	1А
3	Московская область	1А
4	Санкт-Петербург	1А
5	Свердловская область	1В
6	Белгородская область	2А
7	Нижегородская область	2А
8	Республика Башкортостан	2А
9	Республика Татарстан	2А
10	Ростовская область	2А
11	Самарская область	2А
12	Иркутская область	2В
13	Кемеровская область	2В
14	Красноярский край	2В
15	Новосибирская область	2В
16	Пермский край	2В
17	Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	2В
18	Челябинская область	2В
19	Владимирская область	3А1
20	Воронежская область	3А1
21	Калужская область	3А1
22	Курская область	3А1
23	Ленинградская область	3А1
24	Липецкая область	3А1
25	Пензенская область	3А1
26	Рязанская область	3А1
27	Тамбовская область	3А1
28	Тульская область	3А1
29	Тюменская область	3А1
30	Алтайский край	3В1

31	Архангельская область	3В1
32	Астраханская область	3В1
33	Брянская область	3В1
34	Волгоградская область	3В1
35	Вологодская область	3В1
36	Ивановская область	3В1
37	Калининградская область	3В1
38	Кировская область	3В1
39	Мурманская область	3В1
40	Омская область	3В1
41	Оренбургская область	3В1
42	Приморский край	3В1
43	Республика Бурятия	3В1
44	Республика Коми	3В1
45	Республика Крым	3В1
46	Республика Саха (Якутия)	3В1
47	Саратовская область	3В1
48	Сахалинская область	3В1
49	Смоленская область	3В1
50	Ставропольский край	3В1
51	Тверская область	3В1
52	Томская область	3В1
53	Удмуртская Республика	3В1
54	Ульяновская область	3В1
55	Хабаровский край	3В1
56	Чувашская Республика	3В1
57	Ямало-Ненецкий автономный округ	3В1
58	Ярославская область	3В1
59	Амурская область	3В2
60	Костромская область	3В2
61	Курганская область	3В2
62	Магаданская область	3В2
63	Ненецкий автономный округ	3В2
64	Новгородская область	3В2
65	Орловская область	3В2
66	Псковская область	3В2
67	Республика Адыгея	3В2
68	Республика Марий Эл	3В2
69	Республика Мордовия	3В2
70	Республика Хакасия	3В2

71	Агинский Бурятский автономный округ	3С1
72	Забайкальский край	3С1
73	Республика Дагестан	3С1
74	Республика Карелия	3С1
75	Усть-Ордынский Бурятский автономный округ	3С1
76	Читинская область	3С1
77	Еврейская автономная область	3С2
78	Кабардино-Балкарская Республика	3С2
79	Камчатский край	3С2
80	Карачаево-Черкесская Республика	3С2
81	Коми-Пермяцкий автономный округ	3С2
82	Республика Алтай	3С2
83	Республика Калмыкия	3С2
84	Республика Северная Осетия - Алания	3С2
85	Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ	3С2
86	Чеченская Республика	3С2
87	Чукотский автономный округ	3С2
88	Корякский автономный округ	3D
89	Республика Ингушетия	3D
90	Республика Тыва	3D

Источник: «Эксперт-РА» // <https://raexpert.ru/ratings/regions>

Другой проблемой для регионов является дефицит бюджетов. Несмотря на то, что количество регионов с профицитом бюджета в 2017 г выросло — с 27 в 2016 г. до 45. Лидером по уровню профицита бюджета в 2017 г. стала Кемеровская область, где он составил 22,6 млрд руб. (20,1% собственных доходов), чему способствовали высокие цены на уголь — область получила более 50 млрд руб. поступлений по налогу на прибыль.

Лидером по уровню дефицита 2017 года является Мордовия 43,2% (9,6 млрд руб.). В бюджете республики были запланированы поступления от реализации имущества в размере 7,8 млрд руб., но фактические поступления составили только 46 млн руб.

Среди других наиболее «дефицитных» регионов — Кабардино-Балкария (27,4%), Севастополь (20,9%), Томская (13,7%) и Орловская (13%) области.

Регионы сильно зависят от межбюджетных трансфертов и общих федеральных налогов. Прямые трансферты составляют в среднем 17% от доходов региональных бюджетов. Доля подоходного налога с населения и налога на прибыль предприятий (частично уплачивается в региональный бюджет, частично — в федеральный) составляет 53% региональных доходов. Однако в годы экономического спада эта статья доходов существенно сократилась, в результате возможности регионов по увеличению налоговых поступлений стали еще более ограниченными.

Дополнительную нагрузку на региональные бюджеты создают указы Президента, которые ставят перед регионами цели по повышению социальных стандартов в отношении заработных выплат бюджетникам, пенсий. Однако федеральные трансферты не в полной мере обеспечивают выполнение обязательств, и имеющееся финансирование перераспределяется между регионами на основе формулы выравнивания.

Большинство регионов имеют значительный долг и не могут привлечь финансирование для долгосрочных инвестиций. Так, по итогам 2016 г. в 44 регионах соотношение долга к налоговым и неналоговым доходам составило более 60%. В ряде регионов показатель соотношения приближен или превысил 100% - Псковская область — 98,5%, Еврейская автономная область — 100,6%, Республика Марий Эл — 100,9%, Смоленская область — 113%, Республика Карелия — 115,1%, Астраханская область — 135,4%, Костромская область — 143,3%, Республика Хакасия — 145,5%, Республика Мордовия — 176%. В среднем по России этот показатель составил 33,8%. Нулевые показатели соотношения имеют г. Севастополь, Сахалинская область. Минимальные значения демонстрируют Тюменская область (1,8%), Санкт-Петербург (3%), Москва (3,5%), Алтайский край (4,4%), Ленинградская область (6,2%), Приморский край (8,7%).

По международным меркам эти уровни задолженности довольно низкие в развитых странах они зачастую в несколько раз выше. Но по сравнению со странами Запада, госдолг российских регионов имеет очень короткий срок погашения. Это означает, что даже при низкой долговой нагрузке значительная часть бюджета направлена на обслуживание процентов и погашение кредитов. Инструменты долгового финансирования также ограничены, включая кредиты федерального правительства, кредиты коммерческих банков и выпуск облигаций. Сегодня регионы почти исключительно берут кредиты для покрытия дефицита или рефинансирования

старого долга, а не финансируют инициативы в области развития. Большинство регионов не имеют возможности организовать выпуск облигаций, а многие другие исключены из рынка облигаций из-за низких рейтингов.

Краткосрочная задолженность и неспособность привлечь доходы означают, что регионы при реализации масштабных инициатив опираются на федеральную поддержку. Так строительство большинства индустриальных парков, модернизация транспортной инфраструктуры, создание бизнес-инкубаторов и технопарков, другие формы долгосрочных инвестиций осуществляются за счет федерального бюджета.

Однако в ряде случаев эффективность их реализации сдерживается жестко регламентированным характером федеральных программ. Федеральные программы часто сопровождаются сложными бюрократическими протоколами.

Заключение

Итак, как на межстрановое, так и на межрегиональное неравенство оказывают влияние ряд общих факторов: уровень развития человеческого капитала, технологическое развитие, наличие природных ресурсов, качество институтов.

Спецификой России является наследие СССР в виде рассредоточенного по всей территории страны хозяйственного планирования, что привело к росту регионального неравенства. Наличие моногородов приводит к замедлению экономической динамики, поскольку их потенциал ограничен, и они больше зависимы от бюджетной поддержки. Также моногорода больше уязвимы от экономических и финансовых кризисов в силу ограниченности и зависимости от трансфертов из федерального центра.

Уязвимостью регионов также является наличие природных ресурсов, что делает региональные бюджеты зависимыми от конъюнктуры мировых цен на сырье. В период высоких цен на энергоносители эти регионы демонстрируют высокие темпы промышленного производства и показатели ВРП на душу населения, что в свою очередь приводит к неравенству в производительности труда между регионами. Этот фактор стимулирует регионы диверсифицировать свое производство, что приводит к выстраиванию узкоспециализированной цепочки хозяйствования и ограничению со стороны человеческого капитала. Неспособность к диверсификации делает невозможным создание альтернативных источников доходов в периоды низких мировых цен на сырье. В результате экономика таких регионов нестабильна, а рост неустойчив.

На экономический потенциал регионов оказывают влияние также следующие структурные факторы: уровень урбанизации, доступ к рынкам, качество человеческого капитала (продолжительность или доля населения с высшим образованием), географические характеристики регионов и отраслевая структура экономики.

Также спецификой России является сильное влияние институциональный фактор через высокий уровень регуляторной нагрузки на бизнес. Опыт показывает, что улучшение институциональной среды и управления в регионе может оказать

влияние на экономические результаты, в то время как плохое управление могут сдерживать экономическое развитие региона.

Список использованных источников

1. Markevich, A., Mikhailova, T. (2013). Economic Geography of Russia, The Oxford Handbook of Russian Economy.
2. Tulchinsky, G. et al. (2011). Modernization of Russia: Territorial Dimension.
3. World Bank Group (2011). Russia: Reshaping Economic Geography.
4. Andrienko, Y., Guriev, S. (2004). Determinants of interregional mobility in Russia: evidence from panel data, *Economics of Transition*, 12 (1).
5. Guriev, S., Vakulenko, E. (2012) Convergence Between Russian Regions, CEFIR.
6. Dmitriev, Chistyakov (2017) Reform agenda for the forthcoming policy cycle in Russia.
7. Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003-2013 годах. Аналитический доклад// Аналитический центр при Правительстве РФ.
8. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2009. — № 1-2. — С. 161–174.
9. World Bank (2009). World Development Report: Reshaping Economic Geography.
10. Pyina I. (2013). Potential of Development of Resource Rich Regions in the Documents for Strategic Development. *Matters of state and municipal governance*, 2.
11. Sachs, J., Warner, A., (1995), "Natural Resource Abundance and Economic Growth," NBER Working Paper No. 5398.
12. Gylfason, T., (2004), "Natural Resources and Economic Growth: From Dependence to Diversification," CEPR Discussion Papers 4804, C.E.P.R. Discussion Papers.
13. Roberts M. (2016). Identifying the Economic Potential of Indian Districts. World Bank Policy Paper 7623, Social, Urban, Rural and Resilience Global Practice Group; Farole T., et. al. (2017, forthcoming). Economic Potential of the Regions of the European Union.

14. Novikov A. (2013). Regional disparities in the socio-economic development of Russia. Online magazine Science Studies, 1. Institute of Public Administration, Law and Innovative Technologies.
15. Мкртчян Н.В. (2011) Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центрo-периферийных отношений; Демоскоп <https://goo.gl/D3cpMW>.
16. Луговой О., Дашкеев В., Мазаев И., Фомченко Д., Поляков Е., Хехт А. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах. – М., ИЭПП, 2007.
17. Aushauer D. (1989) Is Public Expenditure Productive? Journal of Money, Credit and Banking, 23, pp. 177 – 200.
18. Martin P., Rogers C.A. Industrial location and public infrastructure // Journal of International Economics. 1995. No. 39. Pp. 335–351.
19. Deno, K.T. (1991). «Public capital and the factor intensity of the manufacturing sector», Urban Studies 28 (1), 3-14.
20. García-Milà, T. and T. J. McGuire (1992). «The contribution of publicly provided inputs to state economics». Regional Science and Urban Economics 22, 229-241.
21. Munnell, A.H. (1990). «How does public infrastructure affect regional economic performance». New England Economic Review, sep/oct, 11-32, Federal Reserve Bank of Boston.
22. Cantos P., Gumbau Albert M., and Maudos J., «Transport infrastructures, spillover effects and regional growth: evidence of the Spanish case» Transport reviews, Vol. 25, No. 1, 2005.
23. Mazzenga E., Ravn M. International Business Cycles: The Quantitative Role of Transportation Costs // Working Paper N 3530. CEPR. London. UK. 2002. P. 12.
24. Head K. Gravity for Beginners. Vancouver, 2000. P. 6.
25. Nadiri, I. and Mamuneas, T. (1994): «The effects of public infrastructure and R&D capital on the cost structure and performance of US manufacturing industries», Review of Economics and Statistics 76, 22-37.
26. Riccardo Crescenzi & Andrés Rodríguez-Pose Infrastructure and regional growth in the European Union (2012) Papers in Regional Science.
27. Banerjee, Abhijit, Chang-Tai Hsieh, and Nancy Qian, «The Origins of Private Enterprises in China» Yale University Working Papers, Yale University 2012.

28. Коломак Е.А. Эффективность инфраструктурного капитала в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 10. С. 74–93.
29. Колчинская Е.Э., Калишенко А.Л., Лементы И.М. Исследование динамики развития реального сектора регионов России // Региональная экономика - теория и практика. 2014. № 41 (368). С. 47-60.
30. Исаев А.Г. Транспортная инфраструктура и экономический рост: пространственные эффекты – Пространственная экономика 2015 №3. С. 57-73.
31. Григорьев Л.М, Урожаева Ю.В., Иванов Д.С. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / Под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р.Хасаева. — М.: ТЕИС, 2011. — С. 34–53.
32. Guriev, S., Vakulenko E. (2012). Convergence Between Russian Regions, C EFIR.
33. Григорьев Л.М, Урожаева Ю.В., Иванов Д.С. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / Под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. — М.: ТЕИС, 2011. — С. 34–53.
34. Atlas of economic complexity by Center for international development by Harvard University // <http://atlas.cid.harvard.edu/rankings/2016?country=> .
35. Счетная палата РФ не видит пользы от «Титановой долины» // Uralweb.ru: <https://www.uralweb.ru/news/business/473042.html>.
36. Farra, F. et. al. (2013). Improving regional performance in Russia: a capability approach, EBRD.
37. Holmberg S., Rothstein, B. & Nasiritousi N. (2009). Quality of Government: What You Get, Annual Review of Political Science 12: 135–161.
38. Rodrick D., Subramanian A., Trebbi, F. (2002). Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development, NBER Working Paper Series.
39. Knack S., Keefer P. (1995). Institutions and Economic Performance: Cross country Tests Using Alternative Institutional Measures, Journal of Economics and Politics.
40. Rodriguez Poze A. (2013) Do Institutions Matter for Regional Development? Regional Studies, 47 (7).

41. Yakovlev E., Zhuravskaya E. (2013). Unequal effects of liberalization on diversification of Russia's regions, European Bank for Reconstruction and Development.
42. Kaliuzhnova N. (2011). Institutes of Regional Development and Competitiveness in the Conditions of Modernization. Regional Economics, 2.
43. Yakovlev E., Zhuravskaya E. (2013). Unequal effects of liberalization on diversification of Russia's regions, European Bank for Reconstruction and Development.
44. Лучшие управленческие практики регионов Российской Федерации по повышению инвестиционной привлекательности по результатам Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации 2017 года.// <https://asi.ru/upload/ce4/BestPractices-2017.pdf>.
45. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ <https://asi.ru/investclimate/rating/>.
46. Методика составления рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России компании «РАЭК-Аналитика» // <https://raexpert.ru/docbank//109/d31/3e8/5564b5d35605a92af9b47c6.pdf>.